

# **ВЫЛОЕ**

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ  
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ**

**ГОДЪ ПЕРВЫЙ  
№ 6 ІЮНЬ 1906**

**ПЕТЕРБУРГЪ**

## СОДЕРЖАНІЕ.

---

|                                                                                                                                     |     |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| 1. Неизданныя стихотворенія Т. Г. Шевченко I. Поэма «Еретикъ» . . . . .                                                             | 1   |
| 2. Въ Шляссельбургской крѣпости. Первые шаги. М. В. Новорусскаго . . . . .                                                          | 6   |
| 3. Возникновеніе и паденіе Дурноселовки ( <i>Эпизодъ изъ исторіи крестьянскихъ движеній 80-хъ годовъ</i> ). С. А. Иванова . . . . . | 33  |
| 4. Тайное общество братьевъ Критскихъ М. К. Лемке. . . . .                                                                          | 41  |
| 5. Карійская трагедія ( <i>Изъ воспоминаній</i> ). Г. Ф. Осмоловскаго . . . . .                                                     | 59  |
| 6. Питомецъ воспитательнаго дома. Автобіографія В. Герасимова . . . . .                                                             | 81  |
| 7. Къ дѣлу Фомы Кочуры. . . . .                                                                                                     | 102 |
| 8. Далекое и Недавнее. Воспоминанія изъ жизни революціонеровъ 1878—1881 г. О. С. Любатовичъ. Окончаніе. . . . .                     | 108 |
| 9. Въ неволѣ. Воспоминанія. И. С. Джабадари. Окончаніе. . . . .                                                                     | 157 |
| 10. Убіенство имп. Павла. Неизданная страничка изъ записокъ Рунича . . . . .                                                        | 178 |
| 11. Автобіографія П. М. Драгоманова . . . . .                                                                                       | 182 |
| 12. Хаимъ Гершковичъ. Матеріалы для біографіи. . . . .                                                                              | 214 |
| 13. Нѣкоторыя данныя о «Письмѣ Исп. Комитета къ Александру III». А. П. Прибылевой-Корба. . . . .                                    | 234 |
| 14. Отчетъ о процессѣ 20-ти народовольцевъ въ 1882 г. . . . .                                                                       | 237 |
| 15. Дополнительные свѣдѣнія о процессѣ 20-ти. М. Ф. Фроленко . . . . .                                                              | 296 |
| 16. Историческая бібліографія. ( <i>Сочиненія Пушкина. Томъ второй. Изданіе Академіи Наукъ</i> ). Н. Лернера. . . . .               | 301 |

|                                                                                                                                                                                                                                                |     |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| 17. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію .                                                                                                                                                                                          | 308 |
| 18. Современная лѣтопись . . . . .                                                                                                                                                                                                             | 310 |
| 19. <b>Матеріалы, документы и мелкія замѣтки.</b> <i>Дѣло Я. А. Ушакова (1863)—30; Къ дѣлу И. Н. Мышкина—58; Эпиграммы Пушкина на Карамзина—155; Казнь С. В. Балмашева—233; По поводу объявленія Исполн. Комитета Р. С.-Р. партіи.</i> . . . . | 294 |
| 20. Объявленія . . . . .                                                                                                                                                                                                                       | 328 |

---

Въ этой книгѣ помѣщены портреты Н. К. Сигида, М. П. Ковалевскій, Т. И. Лебедевой, Геси Гельфманъ, Хаима Гершковича, С. В. Балмашева (въ офицерской формѣ) и факсимиле объявленія Испол. Комитета Р. С.-Р. партіи.





## Автобіографія М. П. Драгоманова.

Предлагаемыя автобіографическія замѣтки мы печатаемъ по точной копій съ подлинной рукописи М. П. Драгоманова, хранящейся у М. Павлика во Львовѣ. Первая часть ихъ была написана въ 1883 году для А. Туна, который подготавливалъ тогда свою книгу—«Исторія революціоннаго движенія въ Россіи» и при составленіи ея пользовался рукописью Драгоманова, вторая же часть относится къ началу 1889 года и предназначалась для фольклориста Леона Сихлера. Цѣликомъ на русскомъ языкѣ эти замѣтки печатаются теперь впервые. Только въ переводѣ на украинскій языкъ онѣ уже были изданы М. Павликомъ въ книгѣ—«Михайло Петрович Драгоманов (1841—1895), його юбилей, смерть, автобіографія і спис творів», Львів, 1896. Кромѣ того отрывки изъ нихъ на русскомъ языкѣ приведены въ предисловіи Б. Кістяковскаго къ недавно вышедшему въ Парижѣ второму тому «Собранія политическихъ сочиненій» М. П. Драгоманова. Рукопись печатаемыхъ замѣтокъ представляетъ изъ себя черновую и не была обработана самимъ авторомъ для печати. Мы не считали себя вправѣ подвергать ихъ стилистической обработкѣ и устранять нѣкоторыя неправильности въ языкѣ. Воспроизводя эти замѣтки въ печати вполнѣ точно, мы думаемъ, что недостатокъ формы обильно искупается въ высшей степени интереснымъ содержаніемъ ихъ.

Редація.

### I.

Я родился въ сентябрѣ 1841 г. въ г. Гадячѣ, Полтавской губерніи. Отецъ мой, какъ и мать, принадлежали къ мелкопомѣстнымъ дворянамъ, вышедшимъ изъ украинской казацкой старшины. Мой отецъ, какъ многіе тогдашніе украинскіе *паничи*, въ молодости служилъ въ Петербургѣ, гдѣ самоучкой развилъ нѣкоторыя познанія, пріобрѣтенныя въ училищѣ на родинѣ, и пустился въ литературу; дядя, офицеръ, принималъ участіе въ тайномъ обществѣ, Соединенныхъ Славянъ. Воротившись на родину въ концѣ 30-ыхъ годовъ,—съ идеями, представлявшими смѣшеніе

христіанства съ філософіей XVIII в. и яковинства съ демократическимъ цезаризмомъ,—отець мой не нашель себѣ мѣста въ канцелярско-дворянскомъ строѣ уѣздной жизни николаевского времени и, женившись, больше сидѣлъ дома и читалъ книги, если не хлопоталъ по процессамъ разнаго мелкаго люда, вродѣ крестьянъ (изъ бывшихъ казаковъ), которые отыскивали себѣ свободу, рекрутъ, неправильно взятыхъ въ армію, и вообще всякихъ утѣсненныхъ. За это его терпѣть не могли мѣстные чиновники и большая часть помѣщиковъ. Страсть къ чтенію и къ своего рода политикѣ съ дѣтства перешла ко мнѣ отъ отца, по указанію котораго я, еще будучи ученикомъ гадячскаго уѣзднаго училища (1849—1853), перечиталъ почти всѣ интересныя книги въ его библіотекѣ, преимущественно путешествія и историческія сочиненія (въ томъ числѣ два раза «Исторію Государства Россійскаго» Карамзина). Въ 1853 г. я поступилъ въ полтавскую гимназію, гдѣ особенно усердно занимался латинскимъ языкомъ, интересуясь римскою исторіей; греческаго языка у насъ не учили, но я съ большимъ упоеніемъ читалъ Гомера Gillis'a и «Истор. Греціи» въ переводѣ. Я былъ въ 5-омъ классѣ, когда началась агитація объ эмансипаціи крестьянъ, которая наполнила всю мою душу. Съ того же времени я подпалъ подъ вліяніе новаго учителя исторіи, который давалъ мнѣ читать Герцена и вмѣстѣ съ тѣмъ наставлялъ, что для того, чтобы упрочить въ себѣ гуманныя и либеральныя вѣды, надо много учиться и читать на *иностранныхъ языкахъ* историческія и политическія сочиненія, такъ какъ, говорилъ онъ, на русскомъ языкѣ правительство можетъ, если захочетъ, запретить всю литературу. Съ нѣкоторыми товарищами я сталъ читать выходившихъ тогда въ переводѣ Шлоссера, «Ист. XVIII в.», Маколея, Прескота, и въ оригиналѣ Гизо, — сталъ учиться по-фрѣмцки. Мы основали рукописный журналъ, котораго я былъ редакторомъ. Въ 1859 году, при самомъ окончаніи моего курса гимназіи, случилось у меня столкновеніе съ надзирателемъ гимназическаго пансіона, за которое я былъ присужденъ къ исключенію изъ гимназіи, «съ тѣмъ, чтобъ впредь никуда не принимать». Попечитель, Н. И. Пироговъ, предложилъ совѣту гимназіи замѣнить мнѣ исключеніе простымъ увольненіемъ, послѣ котораго я могъ быть принятъ въ кіевскій университетъ. Я очень обязанъ моему отцу, который развилъ во мнѣ интеллектуальные интересы, и съ которымъ у меня не было нравственнаго равада и борьбы, — вещь очень рѣдкая въ Россіи и теперь, а прежде и тѣмъ болѣе. Очень я благодаренъ и гимназіи, въ которой мнѣ посчастливилось попасть на: 1) хорошаго латиниста, который придавалъ больше значенія литературѣ, чѣмъ мелочамъ грамматики, 2) недурного натуралиста, благодаря которому я не нашель новизны въ томъ *реализмѣ*, о которомъ молодежь въ Россіи не много спустя говорила, какъ о чемъ-то исключительномъ и противоположномъ гуманизму, 3) прекраснаго учителя исторіи, который преподавалъ намъ курсъ новой исторіи до самаго 1859 г. (до

итальянской войны), разъяснивъ намъ фактично смыслъ реформаци, голландской и англійской революціи, философіи XVIII вѣка, принципа либерализма и національностей, наконецъ социализма (по поводу 1848 г.), благодаря чему мы вступили въ университетъ съ возможностью ориентироваться среди того *Sturm und Drang*, какой тогда начинался въ русской молодежи. На счастье, и въ университетъ я попалъ въ попечительство Н. И. Пирогова, который допустилъ въ Кіевѣ *de facto* академическую свободу, похожую на европейскую.

Съ самаго поступленія въ университетъ, осенью 1859 г., я попалъ въ кружокъ студентовъ, которые основали первыя *воскресныя школы* въ Россіи (я не считаю Остзейскихъ губ.). Я описалъ эти школы, какъ вообще все свое участіе въ дѣлѣ народнаго образованія, въ своей брошюрѣ «*Народні школі на Україні*». Тутъ я скажу коротко, что многіе изъ насъ приступили къ дѣлу съ цѣлью политической пропаганды, но скоро увидѣли невозможность ея среди дѣтей (изъ разныхъ мастерскихъ и прислуги) и ея непрактичностью даже среди взрослыхъ, но неграмотныхъ, и усердно увлеклись педагогической стороною дѣла. Изъ кружка студентовъ, занимавшихся воскресными школами, вышло нѣсколько учебниковъ и популярныхъ книгъ. Но въ 1862 г. правительство закрыло воскресныя школы и тѣмъ дало новый толчекъ революціонному настроенію молодежи, особенно въ столицахъ.

Въ Кіевѣ нашему кружку нашлось новое педагогическое дѣло. Тутъ само правительство, въ виду противодѣйствія польской пропагандѣ, рѣшилось основать по селамъ школы, а для подготовленія для нихъ учителей,—Педагогическую школу въ Кіевѣ. Но денегъ правительство на это дѣло дало крайне мало (10.000 р. на 3 губ.). Тогда М. А. Туловъ,—умный человѣкъ, оказавшійся въ школьной администраціи Кіевского Округа—обратился къ студентамъ, которые заявили себя въ воскресныхъ школахъ, и человѣкъ 6 изъ нихъ согласились давать уроки въ «Временной Педагогической Школѣ» бесплатно. Я былъ въ числѣ этихъ студентовъ и преподавалъ русскую исторію. Совѣтъ этой школы,—въ которомъ приняли участіе и нѣкоторые молодые учителя гимназій, былъ въ 1862—63 гг. комитетомъ, который фактически распоряжался дѣломъ насажденія первыхъ русскихъ народныхъ школъ въ Западной Украинѣ. По обстоятельствамъ дѣла, было признано Кіевской школьной администраціей допущеніе и народнаго языка при началѣ обученія, и предположено было составить *Читальникъ* (*Lesebuch*) такъ, чтобы онъ представлялъ постепенный переходъ отъ народнаго украинскаго языка къ (велико) русскому и потомъ къ церковно-славянскому. Въ пользу этого принципа высказалась тогда большая часть педагогическихъ совѣтовъ гимназій Кіевского Учебнаго Округа, которымъ министерство поручило рассмотреть проектъ устава училищъ. Принципъ этотъ былъ почти принятъ и въ министерствѣ (Головнинъ). Но въ это

время въ высшихъ кругахъ возникла борьба между двумя партіями: одни хотѣли отдать народныя школы попамъ и Синоду, другіе—свѣтскому министерству. Характерно, что этотъ вопросъ примѣшался къ вопросу объ улучшеніи быта (матерьяльнаго) духовенства. Конечно, защитники поповской школы выставляли ее, какъ охрану Россіи отъ революціонной пропаганды. Кіевскіе попы напали на нашу Педагогическую Школу, какъ на такую, въ которой преподають «нигилисты» и «украинскіе сепаратисты». Поповъ поддерживали «Московскія Вѣдомости». Кончилось тѣмъ, что министерство, «чтобъ сдѣлать уступку общественному мнѣнію», удалило изъ Педагогической Школы преподавателей студентовъ (замѣнивъ ихъ учителями гимназій, платными), какъ разъ въ то время, когда эти студенты, окончивъ курсъ (лѣтомъ 1863 г.), получили официально право быть учителями даже въ гимназіяхъ. Между такими былъ и я, вторично оторванный безъ всякаго резона отъ любимаго дѣла, да еще въ то время, когда я мечталъ, испробовавши еще разъ свой курсъ на практикѣ, печатать его!

Чтобъ закончить обзоръ времени своего студенчества, я долженъ сказать еще о двухъ важныхъ не для одного меня обстоятельствахъ: объ отставкѣ Пирогова въ 1861 г. и о польскомъ возстаніи 1863 г.

Деспотическое правительство Россіи не могло терпѣть чисто конституціоннаго порядка, устроеннаго Пироговымъ въ Кіевск. Учебн. Округѣ и университетѣ, и несмотря на то, что царь два раза одобрилъ планы учебнаго управленія, предложенные ему Пироговымъ, послѣдній былъ отставленъ весною 1861 г. Весь педагогическій міръ Кіева и его округа и болѣе образованная часть публики рѣшились заявить знаменитому ученому свое сочувствіе. Въ Кіевѣ ему было устроено два банкета, на которыхъ первый разъ въ Россіи появились сочувственныя телеграммы. На первомъ банкетѣ, данномъ представителями школъ, я былъ однимъ изъ депутатовъ отъ студентовъ и произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что реформы Пирогова, замѣна дисциплины солдатской—нравственною и ограниченіе произвола начальниковъ (которые прежде били учениковъ въ классахъ полѣнами дровъ) законностію,—внесли болѣе порядка въ школы, чѣмъ его было прежде. Рѣчь моя вызвала одни изъ самыхъ шумныхъ аплодисментовъ и была очень расхвалена въ описаніи банкета, изданномъ профессорами университета (подъ редакціей проф. Шульгина, потомъ ректора официальнаго «Кіевлянина» и моего политическаго противника). Брошюра Шульгина быстро разошлась въ двухъ изданіяхъ, но въ газетахъ рѣчь мою не было дозволено перепечатывать (одинъ Катковъ напечаталъ ее въ своей двухнедѣльной газетѣ «Современная Лѣтопись Русскаго Вѣстника»),—а ректоръ университета проф. Бунге (тогда одинъ изъ либеральнѣйшихъ профессоровъ, теперь министръ финансовъ) получилъ замѣчаніе отъ министерства за то, что дозволилъ мнѣ произнести рѣчь—*въ пользу законности и педагогическаго авторитета!*



Для меня лично выступленіе мое на банкетѣ Пирогову имѣло большія послѣдствія: оно подтолкнуло во мнѣ инстинкты политическіе и въ то же время познакомило меня съ кружкомъ либеральныхъ профессоровъ и дало мнѣ возможность расширить свои научныя занятія, преимущественно по всеобщей исторіи, въ которой я занимался сначала преимущественно Римомъ, заинтересовался соціальною борьбой послѣднихъ временъ республики и появленіемъ христіанства, а затѣмъ и религіозной исторіей древняго міра вообще. Въ 1862 г. Шульгинъ, проф. всеобщей исторіи, выходя въ отставку, рекомендовалъ меня совѣту университета, какъ будущаго кандидата въ профессора, и предложилъ отпустить меня по окончаніи курса за границу.

Польское движеніе имѣло большое вліяніе на мое политическое воспитаніе. Рожденный на лѣвомъ берегу Днѣпра, я не имѣлъ нагляднаго понятія о полякахъ, и сочувствовалъ имъ, какъ жертвамъ русскаго деспотизма, хотя всетаки, какъ украинецъ, не совсѣмъ забылъ о томъ, какъ и Польша притѣсняла Украину (еще въ дѣтствѣ я прочелъ «Исторію Малой Россіи» Бантыша-Каменскаго). Пріѣхавъ на правый берегъ Днѣпра, въ Кіевъ, я увидѣлъ, что поляки здѣсь—аристократія, а не народъ, и былъ пораженъ тѣмъ, что даже студенты-поляки бьютъ своихъ слуг и ходятъ въ «костелы», гдѣ усердно стоятъ на колѣняхъ (мнѣ студенты-«русскіе», или «православные» всѣ были горячіе демократы, а въ религіи—атеисты). вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ бросилась въ глаза нетерпимость поляковъ относительно русскіхъ, въ особенности малороссовъ, или украинцевъ.

Послѣдніе составляли въ Кіевѣ уже въ 1859 г. особый національный кружокъ, хотя собственно огромное большинство «православныхъ» студентовъ Кіевского университета (около 500 душъ съ вольнослушателями) были родомъ украинцы. Этотъ кружокъ заботился о развитіи украинскаго языка и литературы и желалъ самостоятельнаго положенія украинской націи передъ польскою и великорусскою (рускою). Но въ деталяхъ политическія и соціальныя стремленія украинцевъ были тогда очень разнообразны и даже не совсѣмъ ясны. Были, конечно, среди тогдашней украинской молодежи мечты объ установленіи на Украинѣ чего-либо, вродѣ старой казацкой республики и о возстаніи крестьянъ, вродѣ описанной въ поэмѣ Шевченка Гайдамачины 1768 г., но большинство не было такъ радикально и болѣе увлекалось литературными и національно художественными интересами, а также и педагогическими, такъ какъ всѣ украинцы стояли за народный языкъ въ школахъ. Такъ какъ русское правительство тогда не препятствовало украинскимъ публикаціямъ и не мѣшало пробовать учить по-украински въ школахъ и церквахъ, то особой вражды къ русскому правительству въ тогдашнихъ украинскихъ кружкахъ не было, и даже кружки эти были менѣе радикальны въ политическомъ отношеніи, чѣмъ «русскіе» кружки безъ спеціальной украинской окраски. Иное было отно-

шеніе украинцевъ къ Польшѣ. Польскія претензіи на владѣніе правобережной Украиной страшно возмущали украинцевъ, которые, по реакціи, готовы были, подобно галицкимъ русинамъ 1848 г., сойтись съ царскимъ правительствомъ для борьбы съ поляками.

Самъ украинецъ родомъ, и видя въ Кіевѣ многое изъ того, о чемъ въ остальной Россіи понятія не имѣли, я во многомъ раздѣлялъ стремленія и идеи украинскихъ націоналистовъ, но во многомъ они мнѣ казались реакціонными: я не могъ раздѣлять пренебреженія ихъ къ русской литературѣ, которую считалъ болѣе развитою теперь, чѣмъ украинская, и болѣе полною общевропейскихъ интересовъ <sup>1)</sup>; не нравилась мнѣ и рѣзкость въ отношеніи украинцевъ къ полякамъ, а мысль о какомъ бы то ни было союзѣ съ царскимъ правительствомъ противъ поляковъ казалась мнѣ возмутительною и ошибочною. Меня, и нѣкоторыхъ другихъ, такъ думающихъ, украинцы бранили *космополитами*,—слово, которое мы принимали за похвалу.

Между тѣмъ польское возстаніе приближалось къ Кіеву. Поляки, даже демократы, серьезно доказывали, что имѣютъ право на З. Украину, потому что въ ней дворянство, или, какъ тогда стали говорить, «интеллигенція», польское. Реакція этимъ польскимъ стремленіямъ давала силу среди кіевской «православной» молодежи—украинцамъ. Кредитъ «космополитовъ» падалъ по мѣрѣ того, какъ становилось извѣстнымъ, что соотвѣтственные столичные кружки безусловно становились на сторону поляковъ.

Видя ошибки «космополитовъ» и не раздѣляя многого въ стремленіяхъ украинцевъ, я сталъ охладѣвать къ «политикѣ» студенческихъ кружковъ, пересталъ ходить на сходки и весь свой политическій жаръ вкладывалъ въ уроки русской исторіи въ Временной Педагогической Школѣ. Впрочемъ педагогическій интересъ сблизилъ меня съ украинцами. Когда я узналъ, что они предположили изданіе популярныхъ книгъ, то поступилъ въ ихъ корпорацію (громаду), которая тотчасъ же выбрала меня въ комиссію для редакціи такихъ книгъ. Это было весною 1863 г., какъ разъ во время попытки польскаго возстанія около Кіева.

Но тутъ произошло нѣчто такое, что возможно только въ Россіи. Реакціонеры и государственные централисты, которыхъ органомъ стали «Московскія Вѣдомости» Каткова, сражаясь съ поляками, напали и на украинцевъ, усмотрѣвъ въ ихъ стремленіяхъ, даже чисто литературныхъ, сепаратизмъ, и объявили все украинское движеніе дѣломъ польской интриги. Правительство распорядилось запретить печатаніе на украинскомъ языкѣ книгъ духовныхъ (начиная отъ евангелія), а также популярно-научныхъ и педагогическихъ. Такъ прекратилась и работа той громадской комиссіи, въ которую я попалъ.

---

<sup>1)</sup> Я гораздо больше находилъ воспитательнаго въ политическомъ отношеніи въ „Колоколѣ“ и „Современникѣ“, чѣмъ въ „Основѣ“.

Между тѣмъ я кончилъ курсъ, уѣхалъ на вакаціи, и, воротившись, узналъ, какъ я рассказывалъ выше, что я удаленъ и изъ Педагогической Школы. Надо было искать новой работы и для духа и для тѣла, такъ какъ дѣло о моей поѣздкѣ за границу затягивалось въ долгій ящикъ: въ филологическомъ факультетѣ либеральная партія между профессорами (одинъ изъ членовъ которой, Шульгинъ, рекомендовалъ меня) ослабѣла, а консерваторы не благоволили ко мнѣ. Чтобъ подвинуть свое дѣло, я рѣшилъ, по совѣту Шульгина, представить диссертацию *pro venia legendi* изъ своихъ работъ по римской исторіи,—объ «*Императоръ Тиберіи*». А чтобъ чѣмъ-нибудь кормиться и имѣть возможность воспитывать брата и сестру (отецъ мой передъ тѣмъ умеръ), я взялъ предложенную мнѣ должность учителя географіи во 2-ой Кіевской гимназіи.

Диссертацию свою я защищалъ въ началѣ 1864 г. Она произвела на публику и на профессоровъ довольно странное впечатлѣніе. Въ ней я, не зная вовсе новѣйшей заграничной литературы по вопросу, на основаніи однихъ классиковъ, набрелъ на мысль, что имперія римская не была вовсе паденіемъ ~~рус~~скаго міра послѣ республики, а была своего рода прогрессомъ, если не въ политическомъ, то въ соціальномъ и въ культурномъ отношеніи. Ту же мысль я развилъ и въ пробной лекціи «*О состояніи женщины въ первый вѣкъ римской имперіи*», въ которой я выступилъ противъ авторитета Ювенала, какъ въ книгѣ о Тиберіи—выступалъ противъ авторитета Тацита. Позже, въ 1869, г., я развилъ эти мысли болѣе систематично въ книгѣ «*Вопросъ объ историческомъ значеніи римской имперіи и Тацита*» (моя магистерская диссертация). На томъ, какъ отнеслись къ моимъ первымъ ученымъ опытамъ мои недавніе товарищи и профессора, я первый разъ испробовалъ то, какъ не привыкла публика въ Россіи къ объективности и ко всякаго рода сложнымъ вопросамъ и къ сложнымъ формуламъ. Либералы (въ томъ числѣ и проф. Шульгинъ) были скандализированы моимъ, такъ сказать, имперіализмомъ, а также соціализмомъ; консерваторы приветствовали было меня на диспутѣ за мою критику римской республики, но обидѣлись моей критикой Ювеналова консерватизма въ женскомъ вопросѣ. Подобное случалось со мной и послѣ всѣхъ дальнѣйшихъ стадій моей литературной карьеры, къ чему я не скоро и не легко привыкъ.

Во всякомъ случаѣ факультетъ и совѣтъ К. Университета допустили меня въ приватъ-доценты и даже поручили мнѣ съ 1865 г. чтеніе обязательныхъ для студентовъ лекцій, т. е. на правахъ штатнаго доцента, обѣщавъ послать меня на свой (а не министерскій) счетъ за границу, по выдержаніи мною магистерскаго экзамена. Но справиться мнѣ съ этимъ экзаменомъ было не легко, такъ какъ обстоятельства навалили на меня тогда много разной работы. Я уже говорилъ, что долженъ былъ воспитывать брата и сестру; за послѣднюю я долженъ былъ давать уроки въ

пансіонѣ, въ которомъ ова училась. Кромѣ того въ 1864 г. умерла мать моей невѣсты, и я долженъ былъ жениться раньше, чѣмъ рассчитывалъ. Я очутился такимъ образомъ сразу человѣкомъ съ семействомъ въ 3 души, имѣя всего 600 р. въ годъ отъ университета. Только спустя нѣкоторое время университетъ прибавилъ мнѣ до 1.000 р. и потомъ до 1.200 р.,—но зато прибавилась и моя семья. Надо было добывать деньги газетной и журнальной работой. Я сталъ писать корреспонденціи, литературныя критики, а послѣ и передовыя статьи въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (ред. Коршъ, послѣ устранимый гр. Толстымъ). Чаще всего я писалъ о политическомъ положеніи т. наз. Юго-Западнаго Края (Кіевск. генер.-губернаторства), стараясь разсвѣять туманъ, какой о немъ нагнали въ публику тенденціи аристократически-польскія и бюрократически-московскія. Со времени славянскаго съѣзда въ Москвѣ въ 1867 г. редакція мнѣ предложила писать о славянскомъ вопросѣ и—«вести полемику съ московскими газетами». Я написалъ тогда не мало фельетоновъ и передовыхъ статей, въ которыхъ старался разсматривать русско-польскія и вообще славянскія дѣла съ точки зрѣнія демократически-федеральной. Конечно, я не разъ затрогивалъ и украинскій вопросъ, тѣмъ болѣе, что въ это время я больше сблизился съ кіевскимъ украинофильскимъ кружкомъ,—сильно порѣдѣвшимъ съ 1863 года,—и вновь подошелъ къ украинскому педагогическому вопросу.

Въ 1865 г. введено было на лѣвомъ берегу Днѣпра земство, а вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ тамъ на очередь вопросъ о народныхъ школахъ. Черниговскіе земцы, между которыми было нѣсколько человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ и съ украинскими тенденціями, обратили вниманіе на необходимость употребленія украинскаго языка въ мѣстныхъ школахъ. Тѣмъ часомъ и въ Кіевскомъ ген.-губернаторствѣ увидѣли (даже самъ ген.-губернаторъ Безакъ) необходимость оживить народныя школы, замершія послѣ 1863 г., подъ давленіемъ восторжествовавшаго тогда клерикализма, котораго даже въ учебномъ вѣдомствѣ представителемъ былъ новый попечитель кн. Ширинскій-Шихматовъ. Почти въ одно время и пр. Шульгинъ, который сталъ съ 1864 г. редакторомъ офиціознаго журнала «Кіевлянинъ» (въ 1865—1866 державшійся идей хотя монархическаго, но довольно радикальнаго демократизма) и черниговцы предложили мнѣ писать о школьномъ вопросѣ на Украинѣ. Я и написалъ нѣсколько статей объ этомъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»,—между прочимъ: *«Земство и мѣстный элементъ въ обученіи»* и *«О педагогическомъ значеніи малорусскаго языка»*. Въ послѣдней статьѣ (см. № 93, «С.-П.В». 1866) я между прочимъ разобралъ непригодность для всякихъ, а особенно украинскихъ, школъ «Книги для чтенія въ школахъ кіевского учебнаго округа», изданной кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ, вмѣсто той, которая какъ я вспоминалъ выше, составлялась въ 1863 г. учителями Вр. Пед. Школы

Книга кн. Ш.-Ш. начиналась съ церковнославянской части, потомъ давала статьи на русскомъ офиціальномъ языкѣ, потомъ народныя пѣсни и рассказы—великорусскіе, и ни слова—украинскаго. Я предлагалъ начинать съ украинскаго элемента и восходить постепенно къ русскому, и въ этомъ усмотрѣнъ былъ моими критиками (особенно въ «Моск. Вѣд.») и самимъ кн. Шир.-Ш. мой *сепаратизмъ*. На бѣду же моя статья была помѣщена 6-го апрѣля 1866 г., а 4-го апр. Каракозовъ стрѣлялъ въ царя. Катковъ самымъ серьезнымъ образомъ увидѣлъ связь между моей статьей и выстрѣломъ Каракозова (см. № «Моск. Вѣд.», кажется, отъ 17 апр. 1866 г.). Кн. Ш.-Ш. пригласилъ меня для объясненій и затѣмъ донесъ министру (новому, гр. Тостому), что «приватъ-доцентъ Др-овъ принадлежитъ къ партіи украинофиловъ». Министръ приказалъ было предложить совѣту кіевскаго университета обсудить, насколько я могу оставаться преподавателемъ въ университетѣ, но кн. Ш.-Ш., не надѣясь на вѣрный успѣхъ, предложилъ отъ себя «ограничиться пока надзоромъ за мною». Надзоръ этотъ продолжался нѣсколько лѣтъ и былъ причиною того, что когда я получилъ въ 1870 г. степень магистра и былъ выбранъ совѣтомъ университета въ шт. доценты и ~~и~~ правленъ за границу отъ университета,—попечитель (новый) и рѣшился подтвердить мой выборъ и, по сношенію съ министромъ, отложилъ конфирмацію до моего возвращенія въ 1873 г.,—слѣдствіемъ чего было между прочимъ то, что я не получалъ всей суммы денегъ, которую обыкновенно выдаютъ въ Россіи командированнымъ за границу молодымъ ученымъ <sup>1)</sup>. Теперь я долженъ сказать, что доносъ кн. Ш.-Ш. имѣлъ своимъ послѣдствіемъ окончательное прикрѣпленіе мое къ украинскому направленію, такъ какъ я, по естественной реакціи занялся болѣе старательно изслѣдованіемъ украинскихъ вопросовъ, сначала педагогическаго, потомъ и національнаго вообще. Впрочемъ около того времени образовались и другія нити, привязавшія меня къ украинскому движенію.

Занимаясь древней исторіей, я обратилъ особенное вниманіе на религіи и міеологіи арійскихъ народовъ. Отъ древнихъ народовъ я перешелъ къ новымъ и здѣсь остановился и на народныхъ преданіяхъ и словесности славянъ и между ними, конечно, украинцевъ. Въ 1867 г. я съ нѣсколькими пріятелями положилъ предпринять изданіе сборниковъ украинской народной словесности, накопившихся у разныхъ лицъ изъ періода увлеченія соби-

---

<sup>1)</sup> Не безынтересно прибавить и то, что на такое отношеніе ко мнѣ начальства имѣла вліяніе и рецензія на мою магистерскую диссертацию, представленная въ „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія“ профессорами Бильбасовымъ (потомъ редакторъ „Голоса“) и Модестовымъ (потомъ либеральный сотрудникъ этой хамелеонской газеты) и срезюмированная затѣмъ Бильбасовымъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Каткова. Ученые рецензенты мои упрекали меня между прочимъ за похвальное упоминаніе о статьѣ Чернышевскаго («О причинахъ впаденія Рима», рецензія на Гизо, «Исторія цивилизаціи въ Европѣ», въ русск. переводѣ) и даже какъ-то истолковали одно мѣсто въ моей книгѣ въ смыслъ восхваленія цареубійства).

раніємъ этнографическаго матеріала въ недавніе годы. Кстати же это были бы почти единственныя украинскія изданія, не запрещенныя тогда русскою цензурою. Скоро мы издали двѣ книжки сказокъ и двѣ пѣсенъ, а въ 1869 г. я, вмѣстѣ съ проф. Антоновичемъ, засѣлъ за составленіе свода украинскихъ политическихъ пѣсенъ съ историческимъ комментариемъ, первые два тома которыхъ изданы были въ Кіевѣ въ 1874 г. и 1875 г. подъ заглавіемъ: *«Историческія пѣсни малорусскаго народа съ примѣчаніями Вл. Антоновича и М. Драгоманова»*, т. I (пѣсни вѣка дружиннаго и княжескаго, X—XV вв.; пѣсни вѣка казацкаго: А) Борьба съ турками и татарами XV—XVI в.) т. II (пѣсни вѣка казацкаго: В) Борьба съ поляками до см. Богдана Хмельницкаго 1657 г.). Теперь я продолжаю это изданіе одинъ въ Женевѣ подъ заглавіемъ: *«Політичні пісні укр. народу XVIII—XIX ст.»*, и выдалъ пока въ 1883 г. первый выпускъ: *«Запорозці 1709—1740»*. (Въ 1881 г. я выдалъ резюмѣ полит. пѣсенъ XIX ст. подъ заглавіемъ *«Нові українскі пісні про громадскі справи»*).

Изученіе богатой и прекрасной украинской народной словесности, а особенно политическихъ пѣсенъ, которыя представляютъ собою политическую исторію украинскаго народа, рассказанную имъ самимъ, заставило меня крѣпко полюбить этотъ народъ и пережить всѣми силами души всѣ частности украинскаго вопроса въ Россіи и Австро-Венгріи. Изслѣдованіе же пѣсенъ о борьбѣ украинцевъ съ турками, сравнительно съ такими же пѣснями народовъ балканскихъ, заставляло меня вдуматься въ т. наз. восточный вопросъ,—а все вмѣстѣ приводило меня къ мысли о необходимости широкой постановки федерально-демократическаго вопроса во всей восточной Европѣ. Мнѣ казалось, что украинцы, а въ частности кіевляне, должны сыграть важную роль въ этомъ дѣлѣ, но для этого, я думалъ, необходимо имъ побольше политическаго образованія, больше знакомства съ западно-европейской политической наукою, а также съ исторіей и положеніемъ и своею родины, и западныхъ славянъ. На несчастіе, именно историко-филологическій факультетъ въ Кіевѣ былъ особенно неудовлетворителенъ по составу своихъ профессоровъ, именно по тѣмъ кафедрамъ, какія были необходимы по моему идеалу. Я началъ пропагандировать между знакомыми студентами, какъ свой идеалъ, такъ и необходимость приготовляться къ занятію соответственныхъ кафедръ. Но пропаганда моя мало приносила плодовъ между прочимъ потому, что молодежь въ Россіи въ послѣдніе годы отлила отъ гуманитарныхъ наукъ къ естественнымъ и если подъ конецъ и стала вновь интересоваться общественными вопросами, то исключительно экономическими да и здѣсь бросалась на простыя формулы социализма, мало обращая вниманія на сложные вопросы ихъ осуществленія и приложенія въ каждой странѣ.

Въ 1869 г., въ Кіевъ долетѣли отголоски петербургскихъ студенческихъ волненій, произведенныхъ кружкомъ Нечаева, какъ

потомъ оказалось, распространявшаго среди молодежи вѣсть, что въ 3. Европѣ 2.000.000 интернаціоналистовъ готовы возстать и поддержать социальную революцію въ Россіи. Но для начала этой революціи нечаевцы подбивали студентовъ требовать корпорационныхъ правъ и учреждений: кассъ, сходокъ, столовыхъ. Имѣя земляковъ и пріятелей среди студентовъ, я хотя и радовался пробужденію движенія въ молодежи послѣ сна, который овладѣлъ ею послѣ 1863 г., но старался всячески противодѣйствовать студенческому политиканству, какъ совершенно безплодному. Я совѣтовалъ студентамъ никакихъ демонстрацій не дѣлать, ни о какихъ корпораціяхъ петицій не подавать, (такъ какъ изъ того не вышло бы ничего, кромѣ ни для чего не нужныхъ исключеній и ссылокъ), а просто устроить себѣ кружки и корпораціи и при этомъ главнымъ образомъ для самообразованія и для изученія своей родины (по провинціямъ); вообще же я совѣтовалъ студентамъ смотрѣть на себя не какъ на дѣятелей, а какъ на приготавлиющихся къ дѣятельности и пока не считалъ для студентовъ полезнымъ браться за какую-либо общественную работу, кромѣ пробъ обученія рабочихъ въ маленькихъ частныхъ школахъ (по необходимости, тайныхъ). Я былъ очень доволенъ, что кіевскіе студенты послѣ долгихъ споровъ рѣшили никакихъ петицій о студенческихъ корпоративныхъ правахъ не подавать, но съ сожалѣніемъ смотрѣлъ, что введенныя и въ Кіевѣ тайныя студенческія корпораціи занялись болѣе кассами, столовою, чѣмъ самообразованиемъ и изученіемъ своей страны. Однако съ этого времени въ Кіевѣ образовалось нѣсколько кружковъ и съ такими цѣлями. Въ одинъ изъ нихъ приглашенъ былъ и я, и прочелъ тамъ рефератъ «О положеніи женщины въ украинской народной семьѣ». Послѣ этого реферата я имѣлъ интересное столкновеніе съ петербургскимъ делегатомъ, поднявшимъ въ кружкѣ вопросъ о женщинѣ. Делегатъ укорялъ меня, зачѣмъ я говорю объ Украинѣ, какъ о чемъ-то особенномъ, когда въ Россіи теперь настаетъ вопросъ «о соединеніи силъ для борьбы съ общимъ врагомъ»,—т. е. правительствомъ. (Столкновеніе это,—начало моихъ препирательствъ съ великорусскими революціонерами централистами и всероссійскими яacobинцами,—рассказано мною въ книгѣ *«Историческая Польша и Великорусская Демократія»*). Изъ другихъ рефератовъ въ кружкѣ помню—изложеніе *«Капитала»* Маркса, сдѣланное недавно окончившимъ студентомъ, потомъ моимъ близкимъ другомъ, Н. Зиберомъ.

Вскорѣ послѣ того я уѣхалъ за границу, на 2 года, во остался 3. Пріѣхалъ я прежде всего въ Берлинъ, черезъ Варшаву и Познань. Въ Варшавѣ я увидѣлъ наглядно «обрусеніе», а въ Познани—«обпрусеніе». Въ Берлинѣ я прожилъ 8 мѣсяцевъ въ самый разгаръ войны съ Франціей. Я посѣщалъ лекціи (особенно Моммсена) и библіотеку, въ которой я занимался римской и церковной исторіей (я тогда обрабатывалъ статьи, изъ

которыхъ двѣ: «Духовное господство», и «Борьба за духовную власть и свободу совѣсти въ XV—XVII в.»,—были напечатаны въ «Знаніи» и въ «Отечественныхъ Запискахъ»,—но первая глава моей работы: «Церковь и государство въ Римской имперіи» не была пропущена цензурою въ «Знаніе» и погибла въ петербургскихъ цензурно-редакціонныхъ архивахъ). Остальное время я посвящалъ знакомству съ большимъ европейскимъ городомъ и его жизни, особенно политической. Особенно часто я бывалъ на собраніяхъ рабочихъ, гдѣ меня поражали три вещи: чистота костюмовъ рабочихъ, ихъ начитанность и то, что о социальномъ вопросѣ говорятъ не самые бѣдные, а самые богатые (и, конечно, самые образованные) рабочіе. Я эти обстоятельства припоминалъ особенно тогда, когда, пріѣхавши въ Цюрихъ въ 1873 г., я засталъ тамъ много молодыхъ людей изъ Россіи, въ томъ числѣ и кіевскихъ знакомыхъ, которые толковали о готовности къ социальной революціи русскихъ крестьянъ, особенно голодныхъ самарцевъ.

Немногія сношенія съ высшими классами берлинскаго населенія, не исключая студентовъ и профессоровъ, не внушили мнѣ симпатіи къ пруссакамъ: кромѣ грубости манеръ <sup>1)</sup> меня неприятно поражала національная нетерпимость, именно тотъ Uebermuth, который тогда нѣмецкая пресса усматривала въ отношеніяхъ всѣхъ народовъ къ нѣмцамъ. Особенно этотъ Uebermuth и Rasenhass проявлялся въ отношеніи къ славянамъ и въ частности къ русскимъ. Въ Лейпцигѣ я нашелъ больше мягкости, но первыя слова, которыя мнѣ сказалъ одинъ молодой профессоръ, были: «Мы съ русскими будемъ друзьями, пока они не придутъ отнимать у насъ—Богемію!» Изъ Лейпцига я поѣхалъ въ Баутценъ, Прагу <sup>2)</sup>, Вѣну,—и сталъ знакомиться съ славянами и, въ частности, съ нашими соплеменниками—галичанами. При этомъ я собиралъ въ разныхъ библіотекахъ матеріалы для сравнительнаго комментарія къ «Историческимъ пѣснямъ Малорусскаго народа». Какъ эти матеріалы, такъ и впечатлѣнія мои отъ славянскихъ земель мнѣ пришлось сводить въ Гейдельбергъ и во Флоренціи среди занятій древностями.

Въ Гейдельбергъ (осенью 1871 г.) я написалъ статью: «Восточная политика Германіи и обрусеніе», которая напечатана была въ №№ 2—5 «Вѣстника Европы» 1872 г. Точкою отправленія моего была мысль, что послѣ объединенія Италіи, паденія Наполеона, объединенія Германіи,—слѣдующій историческій моментъ долженъ быть—паденіе Турціи и абсолютизма въ Россіи. Этотъ процессъ, который можно назвать эмансипаціей славянъ,—усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что германская раса дви-

<sup>1)</sup> Я замѣтилъ, что въ Берлинѣ только одни социаль-демократы отличались вѣжливостью.

<sup>2)</sup> Въ Прагѣ я былъ во время переговоровъ чеховъ съ гр. Гогенвартомъ, о паденіи котораго я узналъ въ Вѣнѣ.



жется на Востокъ, гдѣ стремится господствовать надъ славянами. Русскій абсолютизмъ, на который многіе въ славянствѣ смотрятъ какъ на освободителя и конкурента воинственному германизму, есть въ сущности сознательный и бессознательный союзникъ послѣдняго, особенно тогда, когда онъ, желая подражать Пруссіи, пробуетъ «обрусеніе» западныхъ провинцій Россіи, подобно тому, какъ Пруссія германизируетъ свои восточныя провинціи. Между тѣмъ это обрусеніе уже потому невозможно, что оно не можетъ опереться на колонизацію; оно только ослабляетъ мѣстные народныя элементы и дѣлаетъ ихъ менѣе способными противодѣйствовать чужому напору съ запада: въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Зап. Украинѣ—польскому, а въ самой Польшѣ—нѣмецкому. Выводъ: вмѣсто политики централизаціи и обрусенія во всей западной половинѣ Россіи приличнѣе политика самоуправленія областей и національностей, основанная на демократическомъ принципѣ. Такая политика дастъ Россіи особенную силу и въ Восточномъ вопросѣ. Эти мысли я подкрѣплялъ въ моей статьѣ разборѣ нѣмецкихъ брошюръ и книгъ, совѣтующихъ Германіи захватъ бассейна Вислы, а Австріи — Дуная и Балканъ, обзоромъ отношенія поляковъ и великорусскихъ централистовъ къ возрожденію литовскому, бѣлорусскому и украинскому,—отношенія русскихъ либераловъ, славянофиловъ и правительства къ польскому вопросу,—въ концѣ я сдѣлалъ проектъ либерально-демократическихъ реформъ въ Польшѣ. Въ 1875 г. я развилъ тѣ же мысли другими фактами въ статьѣ «Евреи и поляки въ Юго-Западномъ краѣ» (тоже Вѣстн. Евр.), въ которой между прочимъ показалъ, что т. наз. «польская интрига», т. е. подчиненіе польскимъ помѣщикамъ и ихъ агентамъ,—евреямъ, украинскаго населенія—есть не что иное, какъ плодъ русской консервативной политики со временъ Екатерины II.

Тѣсно связаны съ этими статьями мои сочиненія о русинахъ (украинцахъ) въ Галиціи. Я написалъ нѣсколько статей объ этомъ предметѣ еще въ Россіи, а потомъ въ Флоренціи въ 1872 г. написалъ большую статью, которую редація «В. Евр.» раздѣлила на две (*Русскіе въ Галиціи* и *Литературное движеніе въ Галиціи* «В. Евр.» 1873 г.). Познакомившись съ галичанами въ Вѣнѣ и войдя въ переписку съ львовскими литераторами молодой, или народной, или украинской партіи<sup>1)</sup>, я замѣтилъ, что какъ въ мнѣніяхъ, какія имѣютъ въ Россіи относительно галицкихъ партій, такъ и въ попятіяхъ самихъ галичанъ существуетъ много недоразумѣній. Такъ напр. «старую» партію считаютъ «русскою», или «московскою», а «молодую» — украинскою,—по ихъ литературнымъ и политическимъ стремленіямъ. Между тѣмъ въ сущности объ партіи—прежде всего австро-рутенны клерикальнаго пошиба и въ литературѣ и въ политикѣ. Затѣмъ

---

<sup>1)</sup> Въ 1873 г., при помощи моихъ кіевскихъ друзей, возобновлено было изданіе изд. гала «Правда», и я получилъ приглашеніе писать въ нее.

старая партія хотя и говоритъ о единствѣ литературнаго языка съ Россіей, на самомъ дѣлѣ даже не знаетъ русской литературы, особенно новой, такъ что въ этомъ отношеніи ближе къ Россіи партія украинская, которая, зная по крайней мѣрѣ хоть русскую литературу объ Украинѣ и писанія на украинскомъ языкѣ, все же вошла въ нѣкоторое моральное общеніе съ образованными людьми въ Россіи. Я замѣтилъ кромѣ того, что галичане, несмотря на свое болѣе западное положеніе, въ идейномъ отношеніи болѣе отстали отъ Европы, чѣмъ россияне, и что въ этомъ отношеніи партія «Московская» болѣе отстала, чѣмъ украинская, которая заимствовала нѣкоторыя новоевропейскія стремленія (демократизмъ, антиклерикализмъ) отъ украинской литературы изъ Россіи. Изложивъ все это въ своихъ статьяхъ, я составилъ планъ: распространить въ Галиціи украинское направление посредствомъ новой русской (великорусской) литературы, которая своимъ свѣтскимъ и демократическимъ характеромъ подорветъ въ Галиціи клерикализмъ и бюрократизмъ и обратитъ молодежь къ демосу, а такъ какъ демосъ тамъ украинскій, то украинское національное самосознаніе получится тамъ само собою. Планъ этотъ я изложилъ въ статьяхъ, напечатанныхъ въ галицкомъ обозрѣніи «Правда» (на укр. яз.)—«*Литература російська, великоруська, українська і галицька*» (1873) и потомъ развивалъ его въ разныхъ статьяхъ въ газетѣ «*Кіевскій Телеграфъ*» (1875) и въ львовской москвофильской студенческой газетѣ «*Другъ*» (1875—76), которая постепенно сдѣлалась въ моемъ смыслѣ украинофильскою.

Всѣ эти статьи мои приобрѣли мнѣ очень много враговъ въ галичанахъ обѣихъ партій,—да и сами російскіе украинофилы не совсѣмъ были довольны моими идеями и планомъ своеобразнаго «обрусенія» галичанъ,—но все же мнѣ удалось убѣдить ихъ устроить русскую бібліотеку въ Вѣнѣ (при обществѣ «Січ»), послать много русскихъ книгъ въ Львовъ (гдѣ онѣ по большей части достались обществу «Просвіта»). Потомъ, когда меня удалили отъ профессорства, и когда студенты кіевскіе предложили мнѣ прощальный банкетъ, я попросилъ ихъ употребить лучше деньги на покупку книгъ о Россіи (съ Украиной) для бібліотеки студенческаго общества «Союзъ» въ Черновцахъ (въ Буковинѣ). Смѣло могу сказать, что ни одинъ московскій славянофилъ не распространилъ въ Австріи столько «московскихъ» (русскихъ) книгъ, какъ я, украинскій «сепаратистъ». Я могъ считать свой планъ удавшимся, когда въ 1876 г. два студенческія общества въ Львовѣ, украинофильское «Дружескій лихваръ» и москвофильское «Академическій кружокъ», рѣшили соединиться,—и когда москвофильскій, въ сущности рутенскій,—«Другъ», напечатавъ, по моему указанію, нѣсколько статей на чистомъ «московскомъ» языкѣ (что должно было, между прочимъ, показать, что языкъ галицкихъ общеруссовъ вовсе не похожъ на настоящій «московскій» (русскій) языкъ), въ то же время призналъ, что

прежнія писанія галицкихъ псевдообщеруссовъ—безобразная макароническая мѣшанина,—и объявилъ, что основою живой литературы въ Галиціи, можетъ быть только народный языкъ,—т. е. украинскій. Въѣстъ съ тѣмъ «Другъ» заявлялъ желаніе изучать народную жизнь, особенно экономическую, которою совсѣмъ пренебрегали прежнія галицкія партіи, видѣвшія всю причину бѣдности народа «въ пьянствѣ и лѣности». Изъ редакторовъ «Друга» вышли потомъ первые галицкіе социалисты, которые во всякомъ случаѣ первые подняли въ Галиціи экономическіе вопросы, а также вопросъ о соединеніи демократій русинской и польской.

Но я забѣгаю уже впередъ. Возвращаюсь къ 1873 г. Въ началѣ этого года, еще въ Италіи, я получилъ изъ Цюриха литографированную программу «Впередъ», а лѣтомъ, по дорогѣ въ Россію, прожилъ мѣсяца 1½ въ Цюрихѣ, гдѣ нашелъ не мало своихъ кievскихъ знакомыхъ, бывшихъ студентовъ, болѣе или менѣе связанныхъ съ редакціей «Впередъ». Цюрихскіе русскіе раздѣлялись тогда на *бакунистовъ*, или анархистовъ, державшихся программы Alliance Socialiste, и на *лавристовъ*, которыхъ идеи представляли сходство съ идеями интернационалистовъ фракціи Маркса или нѣмецкихъ социаль-демократовъ. Мнѣ казалось, что обѣ программы еще преждевременны для Россіи, въ которой даже социалистамъ прежде всего надо добиваться политической свободы. Само собою разумѣется, что мои идеи найдены были въ Цюрихѣ отсталыми и даже, мои кievскіе знакомые увѣряли, что въ Россіи, за время моего отсутствія (2½ года!) успѣла образоваться рабочая партія вродѣ европейскихъ. Другіе говорили, что все крестьянство, начиная съ голодавшихъ тогда самарцевъ, готово къ восстанію. Впрочемъ, одинъ кievлянинъ, очень близкій къ редакціи «Впередъ», разъ признался мнѣ въ пріятельской бесѣдѣ, что такъ (и ?) убѣжденъ, что «первый вопросъ въ Россіи будетъ вопросъ конституціи, а что то, о чемъ мы тутъ говоримъ въ Цюрихѣ, при насъ и останется». На мой вопросъ о томъ, почему же онъ этого не высказываетъ на сборахъ у Лаврова и зачѣмъ въ «Впередъ» говорится другое, я получилъ отвѣтъ, что если это высказать, то вся молодежь отпадетъ отъ «Впередъ», никто не захочетъ ни писать въ немъ, ни перевозить его, а изъ «либераловъ» партія дѣйствія теперь не составишь.

Понятно, что мнѣ все это не понравилось, равно какъ и отношеніе «Впередъ» къ украинскому вопросу (разобранное мною въ «Исторической Польшѣ и Великорусской демократіи»). Да и вообще я убѣдился, что всѣ любезности впередцевъ ко мнѣ объясняются расчетомъ, что, при моей, еще тогда не подорванной популярности въ Галиціи, я могу помочь имъ въ перевозкѣ ихъ изданій въ Россію. Эту перевозку я и постарался имъ облегчить, а въ дальнѣйшія отношенія рѣшилъ не пускаться и вести свою работу самостоятельно.

Я очень хотѣлъ остаться въ Вѣнѣ и начать свое изданіе на

русскомъ и украинскомъ языкахъ. Но прїѣхавши въ Вѣну, засталъ молодыхъ галичанъ хотя и подвинувшимися съ 1871 г., все же мало еще европейцами, и рѣшилъ ѣхать въ Россію, тѣмъ болѣе, что надо-же было приняться за изданіе «Историческихъ пѣсенъ украинскаго народа», и кромѣ того вообще осмотрѣться въ Россіи. Дорогой я увидѣлъ Галицію и тамошнихъ украинофиловъ. Я съ нимъ не сошелся, такъ какъ они тогда находились подъ вліяніемъ свящ. Качалы, который, по реакціи противъ старыхъ рутенцевъ, такъ долго служившихъ партіи австро-нѣмецкихъ централистовъ,—присталъ къ партіи магнатско-клерикальныхъ федералистовъ вродѣ кн. Юр. Чарторыйскаго. Я находилъ этотъ союзъ совсѣмъ страннымъ для поклонниковъ Шевченка, и первымъ моимъ дѣломъ по прїѣздѣ изъ Львова въ Кіевъ была редакція деклараціи (которую подписало 45 кіевскихъ украинцевъ) противъ брошюры Качалы «Политика Русиновъ» и противъ обѣихъ галицкихъ партій. Декларація наша гласила, что основой нашей политики могутъ быть только: въ культурѣ—раціонализмъ, въ политикѣ—федерализмъ, въ соціальныхъ вопросахъ—демократизмъ.

Въ Кіевѣ я засталъ большое оживленіе украинцевъ. Старшіе (б. ч. учителя гимназій) составляли зерно новооткрытаго юго-западнаго отдѣла русскаго географ. общества, молодые, студенты, собирались въ кружки и работали надъ словаремъ, подумывали и о популярныхъ книжкахъ. Но не понравилось мнѣ въ кіевскихъ украинофилахъ многое: во-первыхъ уступчивость официальному міру и заигрываніе съ консервативными кругами,—а въ молодежи даже вражда къ «радикаламъ», какъ тогда звали социалистовъ; во-вторыхъ—большая отсталость отъ европейскихъ идей научныхъ и политическихъ, и претензія рѣшать всѣ вопросы однимъ національнымъ духомъ, какъ у московскихъ славянофиловъ. Къ моему удивленію студенты украинскаго кружка, даже болѣе способные и ученые, не знали иностранныхъ языковъ, и потому, воображая быть самостоятельными отъ «московской» цивилизаціи, но самомъ дѣлѣ не могли стать выше ея, а становились даже ниже русскихъ радикаловъ, которые тоже неспособны были черпать идеи прямо изъ Европы, но все же читали Милля, Маркса, Лассалю, и т. д. хоть въ русскихъ переводахъ. Все это мнѣ казалось тѣмъ болѣе ненормально, что, по моему, наибольшая часть національныхъ отличій Украины отъ Московіи объясняется тѣмъ, что Украина до XVIII столѣтія была болѣе связана съ З. Европой и хоть съ замедленіемъ (благодаря татарамъ) но все же шла за одно съ З. Европой въ общественномъ и культурномъ прогрессѣ. Пребываніе въ З. Европѣ окончательно убѣдило меня, что именно европеизмъ,—или космополитизмъ, который не отрицаетъ частныхъ національныхъ варіацій общихъ идей и формъ,—и есть лучшая основа для украинскихъ автономныхъ стремленій, и что теперь всякая научная, какъ и политическая дѣятельность должна быть основана на интернаціональномъ фундаментѣ.

Послѣднюю мысль я проводилъ въ своихъ университетскихъ

лекціяхъ, въ рефератахъ и дебатахъ географическаго общества, въ статьяхъ и бесѣдахъ съ молодежью,—конечно, въ каждой сферѣ соотвѣтственнымъ образомъ. Въ лекціяхъ и рефератахъ я напиралъ на сравнительный методъ. Въ университетѣ я читалъ курсъ древней исторіи, который началъ съ обзора исторіографіи, потомъ перешелъ къ первобытной культурѣ и далѣе къ Древнему Востоку (отставка застала меня на Ассиріи). Въ географическомъ обществѣ я читалъ рефераты о точкахъ соприкосновенія между народными пѣснями украинскими и западно-европейскими. (Одна изъ моихъ работъ: «Отголосокъ рыцарской поэзіи въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ» напечатана въ II т. «Записокъ Юго-Зап. Отд. Р. Геогр. Общ.»; другая—большая, резюмэ которой я представилъ на кievскомъ археологическомъ конгрессѣ 1874 г.—«Пѣсни и сказанія о кровосмѣшеніи» [Эдипъ въ славянской народной словесности и сказаніе о разлученныхъ братьяхъ и сестрахъ]—до сихъ поръ не могла найти себѣ издателя въ Россіи). Сравнительный комментарий я внесъ и въ «Историческія пѣсни малорусскаго народа», первый томъ котораго я издалъ вмѣстѣ съ проф. Антоновичемъ къ Археолог. конгрессу 1874 г. Въ политическую агитацію въ Кіевѣ я сначала вмѣшивался мало, будучи занятъ ученою работой и дѣлами галицкими. При встрѣчахъ съ молодежью «революционною» и украинскаго направленія, я всегда говорилъ, что не понимаю ихъ раздѣленія, такъ какъ, по обстоятельствамъ Украины, «здѣсь плохой тотъ украинофилъ, который не сталъ радикаломъ, и плохой тотъ радикалъ, который не сталъ украинцемъ».

Мало-по-малу обстоятельства таки втянули меня въ политику, и самого непріятнаго для меня характера. Я уже сказалъ, что попечитель отложилъ утвержденіе меня шт. доцентомъ до моего возвращенія изъ-за границы. Я пріѣхалъ къ 1 сент. 1873 г. и засталъ въ Кіевѣ самого министра, гр. Толстого, который пробылъ въ Кіевскомъ округѣ до 2-хъ мѣсяцевъ, ревизуя его. Все это время попечитель не утверждалъ меня, боясь, какъ бы я на вступительной лекціи или на приѣмѣ не сдѣлалъ чего-либо непріятнаго гр. Толстому. Наконецъ гр. Толстой уѣхалъ, и я былъ утвержденъ. Но въ концѣ пребыванія гр. Толстого его поклонники устроили ему демонстрацію—обѣдъ съ рѣчами,—которыя были напечатаны въ «Кіевлянинѣ» съ прибавкою похвальныхъ словъ отъ редактора Шульгина, тѣмъ болѣе странныхъ, что этотъ Шульгинъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда газета его зависѣла отъ генералъ-губернатора (ген. Безака), а не отъ министерства нар. просв., часто выступалъ противъ школьной политики гр. Толстого <sup>1)</sup>. На этомъ дѣло не стало: «Московскія Вѣдомости» напеч-

<sup>1)</sup> Политика эта вообще реакціонно-аристократическая, въ частности отличалась стремленіемъ задержать ростъ элементарныхъ народныхъ школъ, такъ что министерство нар. просв. въ концѣ 60-хъ г.г. въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ напр. не хотѣло даже расходовать тѣхъ 170—180.000 р., которые ген. губ. Безакъ ассигновалъ ему на нар. школы въ Юго-зап.

сали статью по поводу кievскаго обѣда, въ которой вспомнили о томъ, какъ противъ гр. Толстого будто-бъ-то искусственно поднималась (врагами Россіи) агитація въ обществѣ, но какъ теперь общество начинаетъ цѣнить систему гр. Толстого—доказательство обѣда, данный въ Кіевѣ, «матери городовъ русскихъ, откуда дважды пошло въ Россію просвѣщеніе».

Такая подтасовка, обидная для Кіева, меня сильно возмутила, и я написалъ замѣтку, въ которой указывалъ, что «М. В.» неправильно представили смыслъ кievскихъ рѣчей гр. Т—ому. Такъ, напрасно было-бы принимать одного изъ ораторовъ ректора Бунге за поклонника классицизма, когда онъ въ свое время писалъ статьи въ пользу реального образованія. Изъ всѣхъ ораторовъ только тайный совѣтникъ Юзефовичъ <sup>1)</sup> прямо восхвалялъ гр. Т—ого за то, что будто-бы этотъ спасъ школы отъ разложенія, но этотъ же самый Юзефовичъ на банкетѣ Пирогова защищалъ школу того времени отъ упрековъ въ разложеніи и доказывалъ превосходство этой школы надъ прежнею. Моя замѣтка, помѣщенная въ 12 № «Вѣстника Европы», конечно, вызвала противъ меня гнѣвъ реакціонныхъ кружковъ Кіева и редактора «Кіевлянина». Прямо напасть на меня лично сначала стѣснялись, а потому начали нападать на К. географическ. общество, котораго я былъ дѣятельнымъ членомъ. Это общество стали называть украинофильскимъ кагаломъ, который, подъ флагомъ науки, проводитъ политическій сепаратизмъ. Нападенія (въ «Кіевлянинѣ», «Голосѣ», «Русск. Вѣстникѣ») стали сильнѣе, когда начались въ Россіи массовые аресты социалистовъ, въ 1874 г. Это случилось какъ разъ въ то время, когда въ Кіевѣ происходилъ археологическій конгрессъ, на которомъ украинскій кружокъ игралъ видную роль. Какъ только разнесся слухъ объ арестахъ, сейчасъ же появилась въ «Кіевлянинѣ» статья пріѣхавшаго на конгрессъ редактора галицкой газеты «Слово», органа старой партіи (Площанскаго), въ которой я представленъ былъ вреднымъ для русско-славянскаго единства, польско-революціоннымъ агентомъ. Вслѣдъ за тѣмъ «Кіевлянинъ» самымъ безсовѣстнымъ образомъ искажилъ мои рефераты на конгрессѣ, приписавъ мнѣ мысль, что между украинской и великорусской нар. словесностью не можетъ быть ничего общаго, такъ какъ украинцы—арійцы, а великоруссы—туранцы <sup>2)</sup>. Кіевскія клеветы на меня перепугали петербургскую цензуру, такъ что она вырѣзала изъ Вѣстн. Европы

край изъ специальныхъ средствъ края. Фактъ этотъ, опубликованный наконецъ въ «Кіевлянинѣ», подвергъ было гр. Т—ого ироническимъ замѣчаніямъ въ печати и даже въ официальныхъ кругахъ.

<sup>1)</sup> Еще въ 1847 г. предавшій Костомарова и др.

<sup>2)</sup> Насколько это безсовѣстная клевета на меня, прежде всего какъ на ученаго, это можетъ видѣть всякій, кто прочтетъ мои работы: «Историч. пѣсни малорусскаго народа»,—«Къ вопросу о слѣдахъ великорусскаго вѣса въ Малороссіи»,—«Малорос. нар. преданія и рассказы» и др. Что касается до теоріи о туранизмѣ великоруссовъ, то теорія эта, пущенная полкомъ Духинскимъ, была мною опровергнута даже въ Зап. Европѣ, въ статьѣ «Il movimento letterario italiano in Russia e Gallizia», напечатанной въ «Riviste Europa» 1873 г.

(сент.—окт. 1875) большую статью мою: «Десять лѣтъ украинской беллетристики»,—въ которой я старался показать, что украинское движеніе сильно не тогда, когда оно гоняется за поверхностнымъ націонализмомъ и мечтами о государственной самостоятельности, но когда оно имѣетъ въ виду общечеловѣческіе интересы культуры и соціальныя интересы демоса. Послѣ я успѣлъ гораздо яснѣе провести эту же мысль въ статьяхъ «Нивокельтское и провансальское движеніе во Франціи» (В. Е. 1875. авг. и сент). Другая статья моя (и моей жебы) «Народныя нарѣчія и мѣстный элементъ въ обученіи», помѣщенная въ «В. Е.» въ август. книжкѣ 1875 г., успѣла проскочить раньше кіевскихъ доносовъ и начала было возбуждать толки въ педагогическ. мірѣ, но послѣ доносовъ эти толки должны были замолкнуть.

Повемногу я сталъ чувствовать и административные когти. Меня пригласилъ попечитель и заявилъ, что министръ недоволенъ мною, такъ какъ я будто бы заявилъ на вступительное лекціи, что буду читать исторію въ социалистическомъ направленіи. Оказалось, что г. министръ или тотъ доносчикъ, который ему сообщилъ о моей лекціи (говорять, профессоръ Х.) принялъ слово социологія за социализмъ. Въ отвѣтъ на доносъ я послалъ свою лекцію въ «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ.», гдѣ она и была напечатана подъ заглавіемъ «Положеніе и задачи науки древней исторіи». Затѣмъ мнѣ не дозволено было читать публичныя лекціи о первобытной культурѣ. Наконецъ, въ маѣ 1875 г., въ концѣ семестра, попечитель объявилъ мнѣ желаніе министра, чтобы я оставилъ кіевскій университетъ. Я спросилъ о причинѣ. Попечитель сказалъ мнѣ, что я въ заграничныхъ изданіяхъ проповѣдываю «отдѣленіе Малороссіи отъ Россіи и присоединеніе ея къ Польшѣ». Я отъ души разсмѣялся и обѣщалъ представить попечителю польскія рецензіи на мои заграничныя публикаціи («*Il movimento ruteno*» и «*Література російська*» и пр.), рецензіи, въ которыхъ меня прямо называютъ московскимъ агентомъ. Подать въ отставку и тѣмъ признать обвиненія, абсурдныя и несправедливыя, я отказался, замѣтивъ, что министръ, какъ всякій начальникъ въ Россіи, можетъ уволить меня безъ прошенія, по 3-му пункту, какъ говорятъ въ Россіи.

Вслѣдъ за тѣмъ я уѣхалъ на вакаціи въ Галицію, Буковину и Венгрію, причемъ повезъ съ собою маленькую сумму денегъ, собранную пріятелями, въ помощь герцеговинцамъ, тогда только начавшимъ свое знаменитое возстаніе. Это, я увѣренъ, было первое пособіе для герцеговинцевъ, явившееся изъ Россіи. Во время поѣздки моей по Галиціи я былъ на русинскомъ митингѣ въ Галичѣ, конечно, только въ качествѣ зрителя, но тамошніе «москвофилы» послали въ Кіевъ проф. Гогоцкому телеграмму, будто я провозгласилъ отдѣленіе Украины отъ Россіи и союзъ ея съ Польшей. Телеграмма эта была передана въ министерство. Между тѣмъ министръ гр. Толстой, получивъ отъ кіевского попечителя мой отвѣтъ на предложеніе подать въ отставку, доложилъ

обо мнѣ царю, представивъ меня, конечно, сепаратистомъ. Царь распорядился: вновь предложить мнѣ подать прошеніе объ отставкѣ изъ кіевскаго университета и затѣмъ не принимать меня въ южные университеты (харьковскій и одесскій), но не закрывать мнѣ университеты сѣверные, великорусскіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ царь назначилъ комиссію (изъ министра нар. просв. гр. Толстого, мин. вн. д. Тимашева, шефа жандармовъ Потапова и т. с. Юзефовича) для разслѣдованія украинскаго движенія и принятія мѣръ противъ него. О назначеніи такой комиссіи царь самъ объявилъ въ Кіевѣ въ началѣ сентября 1875 г.

Хотя приказаніе царя обо мнѣ было получено въ Кіевѣ еще въ началѣ августа, однако рѣшили не объявлять его мнѣ, пока царь не проѣдетъ. Какъ только это совершилось, 7 сент. 1875 г., попечитель вновь предложилъ мнѣ подать въ отставку. Я вновь отказался, и былъ уволенъ по 3-му пункту, что равносильно удаленію отъ всѣхъ видовъ государственной службы. Отъ назначенной царемъ комиссіи можно было ожидать новыхъ репрессалій противъ украинской литературы, а потому надо было принять мѣры къ продолженію ея за границей. Я сталъ готовиться къ выѣзду въ Австрію и оставался только, чтобъ окончить начатыя работы: 1) *«Малорусскія народныя преданія и рассказы»*, — 2) *«Повісті О. Федьковича»* (изъ Буковины) с переднім словом про галицко-руське письменство 3) *«Про Українскіх козаків, татаръ та турків»*. Последнее — популярная брошюрка по поводу герцеговинскаго возстанія, имѣвшая цѣлью связать агитацію по восточному вопросу съ національными украинскими традиціями. Кіевскіе же и одесскіе украинцы того времени сильно интересовались сербскимъ возстаніемъ какъ по своимъ славянскимъ симпатіямъ, такъ и потому, что ждали, что это возстаніе будетъ имѣть такое-же значеніе, какое имѣло греческое возстаніе въ 20-е годы, а именно разорветъ Dreikaiserbund (апологія съ легитимистическимъ Свящ. Союзомъ) и подниметъ политическую агитацію на Востокъ Европы и въ Россіи (Въ цензурной формѣ я выразилъ эту мысль въ замѣткѣ въ *«Кіевскомъ Телеграфѣ»* при первой вѣсти о началѣ герц. возстанія, которую передалъ мнѣ пріятель-украинецъ, жившій тогда въ Прагѣ для печатанія полнаго собранія сочиненій Шевченка). Кіевскіе и одесскіе украинцы еще съ осени 1875 (задолго до Черняева) составили комитеты для отправления въ Герцеговину волонтеровъ. Въ Одессѣ впрочемъ въ комитетѣ участвовали и «радикалы» (Желябовъ), которые тамъ больше сближались съ украинцами.

Въ началѣ 1876 г. я явился къ кіевск. ген.-губ. кн. Дондукову-Корсакову, просить паспорта за границу, съ тѣмъ что, (располагая), если его не дадутъ, ѣхать безъ паспорта. Отъ кн. Д.-К. я узналъ, что паспорта онъ мнѣ дать не можетъ, такъ какъ осенью 1875 г. онъ получилъ отъ шефа жандармовъ по приказу царя изъ Ливадіи распоряженіе взять меня подъ строжайшій надзоръ полиціи съ предоставленіемъ ему, Д.-К., права во всякое



время выслать меня въ любое мѣсто въ отдаленныхъ губерніяхъ. Кн. Д.-К. впрочемъ заявилъ мнѣ, что онъ ничего не имѣетъ противъ меня и потому пошлетъ въ Петербургъ депешу о дозволеніи мнѣ выдать паспортъ. Черезъ 3 дня дозволеніе было получено, и я выѣхалъ черезъ Галицію и Венгрію въ Вѣну, гдѣ сталъ приготовляться къ изданію укр. сборника «Громада» (Die Gemeinde).

Между тѣмъ комиссія по укр. вопросу собралась и въ маѣ 1876 г. постановила: запретить украинскія изданія, спектакли и концерты, закрыть кіевское отдѣленіе геогр. общества (которое передъ тѣмъ только что получило 2 серебряныхъ медали отъ главнаго петерб. общества и благодарность императора за производство однодневной переписи въ Кіевѣ и въ 2<sup>1/2</sup> года напечатало 4 тома матерьяловъ), воспретить жительство въ украинскихъ губерніяхъ и въ столицахъ Драгоманову и Чубинскому (послѣдній сдѣлалъ, по порученію петербургск. геогр. о-ва, статистико-этнографическую экспедицію въ Юго-Западный край, собралъ матерьяловъ на 7 огромныхъ томовъ, изданныхъ петербургскимъ геогр. о-вомъ, и особенно хлопоталъ объ основаніи геогр. общ. въ Кіевѣ, коего и былъ вице-предсѣдателемъ. Впрочемъ, по ходатайству кн. Д.-К. Ч—ому было позволено остаться на 1/2 года въ Кіевѣ и потомъ онъ поступилъ на службу въ Петербургъ). Такимъ образомъ я косвенно былъ осужденъ на эмиграцію. Въ то же время австрійское правительство стало конфисковать украинскія брошюры соціально-демократическаго содержанія,—а потому я рѣшилъ перенести изданіе «Громады» въ Женеву, куда и переселился осенью 1876 г.

Тутъ я издалъ съ тѣхъ поръ 5 томовъ «Громады» и нѣсколько популярныхъ брошюръ на украинскомъ языкѣ, не считая беллетристики и монографій разныхъ авторовъ, а также нѣсколько брошюръ на русскомъ языкѣ; кромѣ того двѣ книжки «Громады» издано было въ 1881 г. мною вмѣстѣ съ С. Подолинскимъ и галичаниномъ М. Павликомъ, да двѣ монографіи объ укр. нар. словесности («*Нові українські пісні про громадські справи*» и «*Політичні пісні укр. народа*») изданы мною отдѣльно. Кромѣ того я написалъ нѣсколько статей объ Украинѣ и ея политико-соціальныхъ вопросахъ въ «*le Travailleur*», въ «*Revue Socialiste*», и брошюру «*La littérature oukraiienne proscrite par le gouvernement russe*» (1878), которую потомъ я передѣлалъ по итальянски для «*Rivista minima*» 1881 г. въ значительно увеличенномъ видѣ подъ заглавіемъ «*La letteratura di una nazione plebea*».

Планъ литературно-политической работы я себѣ поставилъ такой: 1) прежде всего дать какъ можно больше матерьяла для изученія Украины и ея народа, его культурныхъ начинаній и стремленій къ свободѣ и равенству, 2) Какъ этимъ матерьяломъ, такъ и изложеніемъ западно-европейскихъ либеральныхъ и соціально-демократическихъ идей, способствовать организаціи въ Украинскихъ земляхъ въ Россіи и Австріи политическихъ круж-

ковъ, которые бы взялись за освобожденіе народа культурное, политическое и социальное.

Будучи социалистомъ по своимъ идеаламъ <sup>1)</sup>, я убѣжденъ, что осуществленіе этого идеала возможно только въ извѣстной постепенности и при высокомъ развитіи массъ, а потому и достижимо болѣе при посредствѣ умственной пропаганды, чѣмъ кровавыхъ восстаній. Такъ какъ Украина,—моя родина, раздѣлена на двѣ части—Австрійскую и Россійскую, и такъ какъ въ первой существуетъ извѣстная политическая свобода, которой въ Россіи нѣтъ, то, по моему, дѣятельность социалистовъ въ каждой части должна быть разная: въ Австріи возможно приступать къ организаціи собственно социалистической партіи изъ рабочихъ и крестьянъ русиновъ, въ союзѣ съ поляками и евреями; въ Россіи же нужно прежде всего добиться политической свободы; социалистическія же идеи могутъ быть пока распространяемы въ Россіи только научно-литературнымъ способомъ. Получить же политическую свободу въ Россіи украинская нація, по моему мнѣнію, можетъ не путемъ сепаратизма, а только вмѣстѣ съ другими націями и областями Россіи путемъ федерализма.

Сообразно этимъ убѣжденіямъ я установилъ себѣ такое раздѣленіе литературной работы <sup>2)</sup>: 1) Писать по-украински все, имѣющее непосредственное отношеніе къ Украинѣ и къ распространенію въ ней социалистическихъ идей. 2) Писать по-русски разные вещи политически-либеральнаго и федеральнаго характера, слѣдя за всѣми событіями, которыя волнуютъ публику въ Россіи <sup>3)</sup>.

Первой цѣли служить у меня преимущественно «Громада», второй—брошюры и статьи въ русскихъ журналахъ, а теперь особенно газета «Вольное Слово».

Сербо-болгарское движеніе и потомъ война съ Турціей давали мнѣ, конечно, удобный поводъ для проведенія либеральныхъ идей на русскомъ языкѣ. Я попробовалъ излагать ихъ въ Россіи

---

<sup>1)</sup> Прибавлю: социалистомъ западно-европейской школы, но не русскимъ нигилистомъ,—название, которымъ я, встрѣчая его въ газетахъ въ приложеніи къ себѣ, оскорбляюсь сильно. Я изложилъ въ IV томѣ „Громады“, въ статьѣ „Шевченко, українофіли і соціалізмъ“ свой взглядъ на антикультурный элементъ и націоналистическое самоослѣпленіе у русскихъ революціонеровъ и народниковъ школы Бакунина и Лаврова, восхищавшихся Ст. Разиннымъ и Пугачевымъ, великорусскимъ расколомъ и т. п.

<sup>2)</sup> Такъ какъ въ газетахъ русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ по поводу разныхъ процессовъ не разъ говорилось обо мнѣ, какъ о шефѣ или членѣ разныхъ революціонныхъ организацій въ Женевѣ, и о моихъ агентахъ, то великимъ считаю прибавить, что выѣхавъ изъ Россіи за границу для литературной работы, я положилъ себѣ правиломъ ни въ какихъ практическихъ заговорахъ не участвовать и ограничиться одною литературною дѣятельностью. Для заговоровъ и практической агитаціи я не чувствовалъ въ себѣ способностей, а кромѣ того думаю, что эмиграція не даетъ для этого ни удобствъ, ни права.

<sup>3)</sup> Конечно, я при случаѣ стараюсь писать и на другихъ языкахъ, если вижу возможность распространять этимъ свои идеи. Такъ, кромѣ разныхъ брошюръ и статей я съ радостью сотрудничалъ у Реклю при составленіи имъ очерка Европейской Россіи, потому что тутъ былъ мнѣ случай познакомить европейскую публику съ Украиной и помочь изложить географію всей Россіи съ федеральной точки зрѣнія.

и послалъ изъ Женевы въ 1876 г. въ петербургскую газету «Молва» статью «*Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ*», въ которой пробовалъ высказать, что только свободная Россія можетъ освободить балканскихъ славянъ. Но газета была за мою статью запрещена на 8 мѣсяцевъ, и тогда я сталъ проводить свою мысль въ брошюрахъ, издаваемыхъ въ Женевѣ: «*Турки внутренніе и внѣшніе*» (1876 <sup>1)</sup>), «*Внутреннее рабство и война за освобожденіе*» (1877), «*До чего доводились?*» (1878). Во второй изъ этихъ брошюръ я изложилъ minimum политическихъ реформъ въ Россіи, который повторилъ и въ брошюрѣ «*До чего доводились?*», написанной преимущественно для офицеровъ арміи.

Мои политическія брошюры сначала вызвали неудовольствіе русскихъ социалистовъ-революціонеровъ, но брошюра: «*До чего доводились?*» была, наконецъ, перепечатана петербургской тайной типографіей и принята за границу, какъ прокламація «Исполнит. Комитета р.-соц.-рев. партіи», а я самъ зачисленъ былъ газетными репортерами въ русскіе нигилисты и террористы, въ то самое время, какъ мой критикъ, «русскій социалистъ-революціонеръ народникъ» Як. Стефановичъ, поражалъ меня въ «Общинѣ», какъ «конституціоналиста» и противника р. соц.-р-овъ.

Я дѣйствительно постепенно все больше и больше становился противникомъ русскихъ революціонеровъ. Кромѣ ихъ великорусскаго централизма и антикультурныхъ тенденцій, народническихъ иллюзій, макіавелизма средствъ (вродѣ подложныхъ манифестовъ Я. Стефановича и др., покушеній на кражи банковъ, казначействъ и почтъ, съ убійствомъ сторожей) меня раздѣляло съ ними и возведеніе политическаго убійства, или какъ они говорили «террора», въ принципъ революціонной борьбы, тогда какъ я смотрѣлъ на этотъ терроръ только какъ на естественное, хотя и патологическое, послѣдствіе террора самого правительства. Противъ всего этого я возставалъ въ брошюрахъ, начиная съ *Листка «Громады»* въ 1878 г., въ которомъ я разобралъ первую террористическую прокламацію «Смерть за смерть»,—потомъ въ брошюркѣ «*Терроризмъ и свобода*», (1880 г.), «*Le tyranicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale*». Впрочемъ, въ послѣднее время сами террористы русскіе и ихъ адвокаты приблизились къ моей точкѣ зрѣнія (рѣчи Желябова и Суханова въ ихъ процессахъ, книга Stepniak—*La Russie Souterraine*, статья Кропоткина въ *Fortnightly Review* и др.) По нѣкоторымъ признакамъ и письмамъ, которыя я имѣю отъ нѣкоторыхъ русскихъ революціонеровъ, по статьѣ одного изъ нихъ въ «Вольномъ Словѣ» (№ 52—53; «Пропаганда и заговоръ въ арміи») я

---

<sup>1)</sup> Въ видѣ письма къ издателю «Новаго Времени», А. С. Суворину, съ которымъ я нѣкогда сотрудничалъ въ либеральныхъ «С.-Пет. Вѣдомостяхъ» Корша, и который въ 1876 г. приглашалъ меня вести въ «Новомъ Времени» отдѣлъ иностранной политики на весьма выгодныхъ въ матеріальномъ отношеніи условіяхъ. Предложеніе этого я не принялъ, а затѣмъ «Новое Время» стало задѣвать меня и нападо на меня за статью въ «Молвѣ».

вижу, что многіе изъ нихъ начинаютъ уступать въ мою сторону и по вопросу о федерализмѣ. Впрочемъ, я увѣренъ, что мнѣ придется сломать еще не одно копые съ русскимъ якобинизмомъ, какъ и съ русскимъ царизмомъ.

Скажу въ заключеніе: мнѣ во всю мою жизнь приходится полемизировать со многими, съ разными партіями въ одно время. Не проходитъ почти недѣли, чтобъ я не встрѣчался съ направленною противъ меня статьею, вышедшею изъ лагеря національнаго: московскаго, польскаго, нѣмецкаго,—консервативнаго, какъ и революціоннаго; мнѣ достается даже отъ украинофиловъ (особенно галицкихъ <sup>1)</sup>). Ничто такъ не противно мнѣ, какъ полемика. Послѣ написанія каждой полемической статьи, я нѣсколько дней чувствую себя больнымъ. Передъ тѣмъ какъ вступить въ полемику съ какимъ-либо кружкомъ и даже лицомъ, я почти всегда испытывалъ всякіе способы мирнаго соглашенія и брался за печатную полемику только тогда, когда видѣлъ, что соглашеніе невозможно, а особенно когда наталкивался на *mauvaise foi* и неискренность моего антагониста. Веду я полемику только до тѣхъ поръ, пока это кажется мнѣ нужнымъ для выясненія мнѣнія противника и моего. Послѣ того я умолкаю и терплю безъ возраженій все, особенно личныя на меня нападки. А надо сказать, что въ своей долготѣней полемикѣ съ разными лагерями я ни разу не встрѣтился съ противникомъ вполне добросовѣстнымъ, т. е. такимъ, который бы изложилъ вѣрно мои мнѣнія, да потомъ и опровергалъ бы ихъ своими аргументами, особенно фактическими. Нѣтъ,—мнѣ судьба посылала всегда такихъ противниковъ, которые начинали съ того, что извращали самымъ безцеремоннымъ образомъ мои мнѣнія, а кончали клеветами на мою личность. Мнѣ это вдвойнѣ грустно, такъ какъ я желалъ бы самъ чему-нибудь научиться у моихъ противниковъ, но я утѣшаю себя тѣмъ, что, значитъ, дѣло, которому я служу, правое, если противъ него не нашелся за столько лѣтъ добросовѣстный противникъ.

Женева 1883 г.  
22 марта.

## II.

Мнѣ не много остается добавить о томъ, что дѣлалъ я послѣ написанія вышележащей замѣтки, которую пр. Тунъ срезюмировалъ въ своей книгѣ «*Geschichte der Revolutionären Bewegungen in Russland*»,—впрочемъ съ нѣкоторыми ошибками.

Въ маѣ 1883 г. прекратилось изданіе газеты «Вольное Слово»,

<sup>1)</sup> Они меня называли прежде „обрусителемъ“, а потомъ даже агентомъ русск. прав., который посланъ за границу, чтобъ скомпрометировать укр. дѣло социализмомъ.

основанной въ августѣ 1881 г. обществомъ «Земскій Союзъ» съ цѣлью пропаганды началъ либерально-политической реформы и административной децентрализаціи въ Россіи. Я принималъ дѣятельное участіе въ этой газетѣ, помѣстивъ въ ней много статей, изъ которыхъ наибольшая: «Историческая Польша и Великорусская демократія» вышла и отдѣльною книгою (1882 г.). Въ ней я подвергъ историческому и критическому обзору революціонныя движенія въ Россіи съ 60-хъ годовъ въ связи съ польскимъ и украинскимъ вопросомъ и вообще вопросомъ политической свободы и децентрализаціи въ Россіи и закончилъ ее программой политической и административной реформы Россіи на началахъ автономіи земскихъ единицъ—общинъ, уѣздовъ, губерній, или областей. Въ рамкахъ этой автономіи я полагалъ и разрѣшеніе національныхъ вопросовъ въ Россіи, высказываясь такимъ образомъ противъ всякихъ сепаратизмовъ и даже націонализмовъ на австро-венгерскій ладъ за такое разрѣшеніе національнаго вопроса, какое напр. существуетъ въ Швейцаріи (гдѣ ни вся страна, ни даже кантоны вовсе не раздѣлены по расовому принципу) и какое вырабатывается въ Бельгіи (между фламандцами и валлонами). Статья моя печаталась въ «Вольномъ Словѣ» въ 1881 г. въ то время, какъ въ «Земскомъ Союзѣ» вырабатывалась своя программа реформы Россіи,—и оказалось, что наши программы сошлись въ основахъ. Въ концѣ 1882 г. мнѣ было предложено специальнымъ делегатомъ «З. С.» принять на себя редакцію «В. Слова». Я согласился и старался сдѣлать изъ газеты, первоначально основанной съ цѣлью дать возможность высказаться разнымъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ элементамъ въ Россіи, высказать свободно свои мнѣнія,—прямо органъ агитаціи въ пользу политической свободы съ земскимъ самоуправленіемъ; при этомъ я отводилъ въ газетѣ много мѣста социальному вопросу, имѣя въ виду представить русской публикѣ, какъ социалистической, такъ и болѣе консервативной, *всѣ* оттѣнки въ постановкѣ социального вопроса въ Зап. Европѣ и Америкѣ, чтобъ такимъ образомъ отклоняться отъ суммарныхъ приговоровъ всякаго рода по этому вопросу. (Больше о «Земск. Союзѣ» и «Вольн. Словѣ» я говорю въ статьѣ своей «Земскій либерализмъ въ Россіи 1858—1883 г.», которая въ настоящую минуту печатается въ № 1 газеты «Свободная Россія»). Но въ маѣ 1883 г. «Вольн. Сл.» прекратилось вслѣдствіе распада «Земскаго Союза» подъ вліяніемъ разочарованія тѣхъ его членовъ, которые рассчитывали на возможность добиться созванія Земскаго Собора ко времени коронаціи Александра III и скучали долговременной агитаціей въ обществѣ, отъ которой я только и ожидалъ благопріятнаго результата.

Въ 1883 г. лѣтомъ мнѣ было доставлено изъ Россіи нѣсколько политико-соціальныхъ программъ, составленныхъ въ разныхъ украинскихъ кружкахъ, находившихся въ сношеніяхъ съ активными русскими революціонерами. Эти программы отличались отъ

программъ этихъ послѣднихъ, проникнутыхъ болѣе или менѣе яacobинскимъ централизмомъ («Народной Воли» 1881 — 1882 г. «Календарь Нар. Воли» на 1883 г., гдѣ рѣзко осуждалось «Вольн. Слово», выставляемое какъ органъ, враждебный русск. револ. движенію и даже игнатъевскій) и сближались съ моими идеями въ пунктѣ федерализма. Въ концѣ іюня прибылъ въ Женеву делегатъ двухъ изъ этихъ кружковъ съ цѣлью выработать вмѣстѣ со мною программу для основанія политическаго общества «Вольный Союзъ», которое бы задалось цѣлью агитаціи въ этомъ духѣ преимущественно на Украинѣ, но не упуская изъ виду и всей Россіи. Изъ долгихъ разговоровъ съ этимъ делегатомъ, а также съ другимъ, который принадлежалъ къ «народовольческой» организаціи, но дѣйствовалъ на югѣ, имѣлъ украинскія симпатіи и готовъ былъ присоединиться къ «В. Союзу», — я увидѣлъ, что между мною и этими делегатами полного согласія нѣтъ: они не желали, по моему, въ такой степени, какъ я, сосредоточенія дѣятельности «В. Союза» на Украинѣ, а слишкомъ скоро хотѣли раскинуть его работу на всю Россію;—въ то же время они находили ненужнымъ усложненіемъ дѣла мое вниманіе къ Австрійской Руси, а еще болѣе къ политикѣ западно-славянской; кромѣ того, они считали нужнымъ даже въ ту минуту солидарныя отношенія съ кружкомъ русскихъ революціонеровъ (народовольцевъ), которыхъ я считалъ морально уже отжившими, а также опасными по ихъ перепутанности съ agents provocateurs (скоро обнаружившаяся двойная роль Дегаева, агента полиціи и «Народной Воли» въ одно время вполне подтвердила мои опасенія); наконецъ, мои собесѣдники скучали долговременной подготовительной дѣятельностью для постановки вопроса о политической реформѣ Россіи согласно нашимъ идеямъ, а хотѣли больше всего поскорѣе заманифестовать себя какимъ-нибудь громкимъ казусомъ, вродѣ «народовольческихъ» предпріятій, но только съ федерально-украинскою окраскою.

По всему этому выработка программы подвигалась довольно медленно, наконецъ, въ концѣ августа программа была окончена, сущность ея была напечатана и отвезена делегатами въ Россію. Но тутъ полиція уже выслѣдила главныхъ «вольносюзниковъ» (между прочимъ именно по связямъ ихъ съ «народовольцами»),—и предполагаемое политическое общество умерло въ самомъ началѣ. Впрочемъ, наши политическіе друзья пожелали, чтобъ я все таки выпустилъ печатную программу «Вольнаго Союза», что я и сдѣлалъ, такъ какъ не терялъ надежды, что идеи ея найдутъ себѣ, хоть постепенно, сочувствіе въ разныхъ общественныхъ элементахъ въ Россіи, особенно на Югѣ и Востокѣ. Я только считалъ теперь нецѣлесообразною форму моей книжки, которая соотвѣтствовала уставу политическаго общества,—но перемѣнять ее уже было поздно. Но какъ мало я рассчитывалъ на непосредственное одобреніе моей книжки, видно изъ того, что я кончилъ ее словами Ренана: «Le moyen d'avoir raison dans

l'avenir est, à certaines heures, de savoir se résigner à être démodé».

И действительно, послѣ 1883 г. я сталъ *démodé* даже у большей части прежнихъ друзей. У такъ называемыхъ русскихъ революціонеровъ я получилъ репутацію отъявленнаго врага; въ то же время, подѣ влияніемъ правительственнаго давленія и разочарованій, затихла въ Россіи и либеральная агитація, и у т. наз. либераловъ я сталъ считаться за человѣка наивнаго и при томъ опаснаго, по причинѣ радикальнаго и даже «революціоннаго» характера своего либерализма. Реакціонное направленіе и отвращеніе ко мнѣ проникло и въ украинскіе кружки. Даже то, что я имѣю основаніе считать хоть отчасти за результатъ агитаціи, въ которой я принималъ участіе, а именно нѣкоторое цензурное попущеніе въ Россіи украинскому слову съ 1881—1882 г. <sup>1)</sup>), — поворачивалось противъ меня, такъ какъ въ українофильскихъ кружкахъ явилась идея, что теперь не нужно раздражать правительство противъ украинской литературы въ Россіи заграничными радикальными и вообще политическими публикаціями. Въ кружкахъ этихъ появилась даже сознательная реакція всякой политической постановкѣ украинскаго вопроса и желаніе представлять его только какъ дѣло *культурное*. Такая постановка вопроса была ничуть не лучше того, какъ передъ тѣмъ русскіе революціонеры-народники думали сдѣлать социальную революцію безъ политики и даже безъ науки, тѣмъ болѣе что и українофильскіе «культурники» хотѣли работать для украинской культуры, чуждаясь не только политики, — но и новоевропейской культуры, такъ какъ, напр., доказывали необходимость привлеченія на свою сторону духовенства православной церкви!

При такомъ направленіи въ украинскихъ кружкахъ, тамъ же нравились не только мои политическія публикаціи, но и изданіе мною поэмы Шевченка «*Марія*». Я напечаталъ ее въ 1882 г. отдѣльной брошюрой въ оригиналѣ, но латинскими буквами, преимущественно для тѣхъ украинцевъ въ Галиціи да отчасти и въ Россіи, которые не знаютъ такъ наз. кирилловскаго алфавита и остаются совсѣмъ безъ украинскаго чтенія со стороны патріотовъ-русиновъ, которые считаютъ русинами только православныхъ да уніатовъ, а потомъ переиздалъ въ великорусскомъ переводѣ въ 1885 г. Въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ къ этой поэмѣ, въ которой Шевченко обработалъ въ своеобразной рационалистической формѣ евангельскую легенду, — я попробовалъ популярно изложить результаты свѣтской историко-литературной критики «Новаго Завѣта» и палестинской цивилизаціи. Рядомъ съ этимъ антиполитическимъ консерватизмомъ поднялись въ українофильскихъ кружкахъ тенденціи, если не сепаратистическія, — которыя требовали извѣстной политической смѣлости, — то націона-

---

<sup>1)</sup> Въ то время гр. Игнатьевъ даже допустилъ было въ Россіи галицко-украинскую газету «Дѣло».

листически - партикуляристическія: антагонизмъ противъ всего великорусскаго, въ томъ числѣ и противъ русскаго радикализма и даже либерализма,—прорывавшіеся въ анонимныхъ корреспонденціяхъ въ галицкія изданія фразами, въ которыхъ можно было усмотрѣть своего рода «политику», — но австро-полонофильскую. И эту ягеллонско-австрійскую политику одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей московскаго славянофильства въ Россіи, проф. В. Ламанскій,—приписывалъ мнѣ, между тѣмъ какъ именно въ это время въ галицкихъ изданіяхъ всѣхъ фракцій, въ томъ числѣ и украинофильскихъ, усилились нападенія на меня и мои идеи! Последнее объясняется тѣмъ, что въ это время въ галицко-русскихъ кругахъ получило рѣшительное преобладаніе направленіе консервативно-клерикальное (Подробности и объясненіе этого см. въ моемъ листкѣ *«Наканунъ новыхъ смутъ»*. Женева. 1886). На этотъ разъ галицкія нападки на меня сопровождались заявленіями, что де «Др-овъ теперь утратилъ всякое сочувствіе и въ россійской Украинѣ». Эти заявленія основывались какъ на слухахъ о настроеніи украинскихъ кружковъ въ Россіи, такъ и на любезности вліятельныхъ россійскихъ украиофиловъ галицкимъ консерваторамъ и клерикаламъ, которые дошли до того, что одинъ украинскій литераторъ помѣстилъ даже въ *«Вѣстникъ Европы»* панегирижъ новопоставленному станиславскому епископу Целешу, ультрамонтану, котораго передъ тѣмъ *«Дѣло»* провозгласило, именно послѣ его ультрамонтанской рѣчи въ сеймѣ, представителемъ національной политики всѣхъ русиновъ, т. е. не только въ Австріи, но и въ Россіи.

Не имѣя средствъ на періодическое изданіе и тяготясь повтореніемъ одного и того же, я рѣшился ограничиться категорическимъ протестомъ противъ извращенія моихъ мнѣній, а для противодѣйствія реакціи въ средѣ украиофиловъ продолжать изданіе *«Политическихъ пѣсенъ украинск. народа»*, а также подвинуть выходъ полнаго, стереотипнаго, изданія поэзіи Шевченка, которое затѣялъ одинъ мой пріятель, работавшій въ типографіи *«Громады»*, и къ которому я относился нѣсколько равнодушно, такъ какъ считалъ сочиненія Шевченка съ идейной стороны уже *«пунктомъ пережитымъ»*. Теперь же я убѣдился, что не только для галицкихъ, но и для россійскихъ украиофиловъ, даже для ученѣйшихъ изъ нихъ, нужно еще не мало умственного труда, чтобъ догнать даже Шевченка.

Вслѣдствіе этихъ соображеній я отправилъ въ то же изданіе, въ какомъ явилась статья г. Ламанскаго о моемъ и другихъ украиофиловъ ягеллонско-австрійскомъ сепаратизмѣ (*«Извѣстія славянскаго общества»* въ Петербургѣ), письмо, въ которомъ заявлялъ, ссылаясь и на *«Вольный Союзъ»*, что мои стремленія состоятъ въ желаніи *политической реформы всей Россіи* на началахъ свободы и децентрализаціи, и что эти стремленія находятся въ гармоніи съ идеями старыхъ украиофиловъ Кирилло-Меѣодіевскаго братства (Костомарова, Шевченка и др.). Въ 1885 г.



я выпустилъ II вып. изданія «Політичні пісні українського народу XVIII—XIX столѣтій» (пѣсни изъ послѣднихъ временъ автономіи Гетманства Малороссійскаго и Слободской Украины въ 1709—1765 г.г.) и такъ какъ недостатокъ средствъ не позволилъ намъ выпустить изданіе поэзіи Шевченка къ 25-лѣтней годовщинѣ его смерти (26 февр. 1886 г.), а между тѣмъ консервативно-клерикальныя манифестаціи галицкихъ украинофиловъ не переставали, то я долженъ былъ напечатать въ львовской рабочей газетѣ, «Ргаса» (1886, № 3—4) открытое письмо: «25-літні роковини смерті Шевченка а галицькі народовці», перепечатанное и по-польски въ газетѣ «Kurjer Lwowski», № 62. Въ этомъ письмѣ я напоминалъ заявленіе 45 кievскихъ украинофиловъ 1873 г. п. указывая на обстоятельства, въ какихъ находится украинскій народъ, заключалъ о несоотвѣтствіи какого-бы то ни было консерватизма, а особенно клерикализма, даже съ его національными интересами, и о необходимости прежде всего полной *лаицизації* украинской *политики*. Вскорѣ затѣмъ я открылъ публичную подписку на изданіе полного изданія «Кобзаря» Шевченка, подписку, о которой не захотѣли допустить вѣсти въ своихъ газетахъ галицкіе официальные поклонники Шевченка, которые около ~~этого~~ времени приступили къ изданію «Кабзаря», еще болѣе очищенному отъ радикализма, особенно религіознаго, чѣмъ допущенное цензурою въ Россіи.

За всѣ такія заявленія и изданія я получилъ формальный выговоръ отъ бывшихъ своихъ украинскихъ друзей изъ Россіи, которые дошли до того, что прямо назвали даже мое изданіе «Політ. пісні укр. народу» и полного собранія поэзіи Шевченка для нихъ *вредными (шкодливими)*. Вслѣдствіе такого отношенія, къ этимъ изданіямъ украинцевъ, я до сихъ поръ не могъ издать ни III вып. «Пол. пѣсенъ укр. народа» (который долженъ былъ обнимать и интереснѣйшія пѣсни о концѣ запорожья въ 1775 г.), ни поэзіи «украинскаго батька» Шевченка. Больше для апелляціи къ послѣдующему времени, чѣмъ для убѣжденія моихъ современниковъ, земляковъ и пріятелей, я написалъ небольшую статью (24 стр.) «*Наканунъ новихъ смутъ*», въ которой изложилъ свой взглядъ на положеніе политико-соціальныхъ задачъ въ Россіи и въ частности на Украинѣ съ Галиціей при теперешнемъ состояніи Европы,—а самъ рѣшился сосредоточить свою личную работу во время наступившаго реакціоннаго антракта въ Россіи и Галиціи, на окончаніи нѣкоторыхъ археологическихъ работъ, которыя входили въ мой замыселъ составить очеркъ исторіи цивилизаціи на Украинѣ. Къ моему большому утѣшенію небольшой кружокъ украинцевъ, не одобрявшій реакціоннаго настроенія своихъ товарищей, предложилъ мнѣ около этого времени составить исторію украинской литературы въ томъ духѣ, въ какомъ написана мною статья о Шевченкѣ въ IV томѣ «Громады».

Предложеніе это, впрочемъ, имѣло въ виду только новѣйшую

литературу на украинск. языкѣ въ XIX ст., но я предложилъ расширить работу и составить исторію украинской литературы въ 3-хъ отдѣлахъ:

1) Судьба украинскаго языка въ связи съ исторіей національнаго самосознанія и общественной дѣятельности съ IX по XIX ст.

2) Устная (народная) словесность на Украинѣ.

3) Письменность на украинскомъ народномъ языкѣ съ XVI по XIX в.

Изъ этихъ отдѣловъ второй требовалъ предварительной спеціальной разработки, можно сказать совсѣмъ наново, такъ какъ до сихъ поръ даже ученѣйшіе украинскіе изслѣдователи народной словесности (напр. Костомаровъ) совсѣмъ не примѣняли къ ней европейскаго сравнительнаго метода и смотрѣли на произведенія ея, какъ на вполне самобытный продуктъ мѣстной національной почвы. Поэтому я долженъ былъ предпринять рядъ монографическихъ работъ преимущественно о сказкахъ, новеллахъ, апологахъ, легендахъ и историческихъ преданіяхъ украинскихъ, сравнительно съ folk-loge разныхъ народовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ монографій я успѣлъ напечатать въ разныхъ изданіяхъ, но желая найти имъ больше публики въ Россіи, я долженъ былъ скрывать свое авторство подъ разными псевдонимами. Искать же для себя публики въ Россіи я считалъ нужнымъ какъ для того, что только здѣсь я могъ вызвать вниманіе къ деталямъ своего матерьяла, а затѣмъ желаніе собирать его и разрабатывать дальше, а также для того, что я считалъ необходимымъ посредствомъ приложенія космополитическаго сравнительнаго метода хоть къ одной части культурнаго украинскаго матерьяла противодѣйствовать ограниченно-націоналистическому настроенію українофильскихъ кружковъ, которое развилось въ нихъ въ связи съ общей въ Россіи «самобытнической» реакціей. Нѣкоторыя изъ своихъ фолклористическихъ замѣтокъ, помѣщенныхъ въ парижской «*Mélanges*», я считалъ возможнымъ подписать своимъ именемъ и наконецъ сталъ здѣсь печатать (съ № 9 1888 г.) примѣчанія къ переводу «*Болгарскихъ религіозныхъ легендъ*», сдѣланному моей дочерью, Лидіей, которая теперь (9-го янв.) повѣнчалась въ Болгаріи съ тамошнимъ молодымъ ученымъ Иваномъ Шишмановымъ. Работу надъ болгарскими религіозными легендами я предпринялъ потому, что онѣ поразительно сходны съ украинскими и потому, что Богумильская Болгарія представляетъ мостъ для перехода множества легендъ съ Востока въ Европу, особенно въ славянскую,—такъ что изслѣдованіе болгарскихъ легендъ составляетъ необходимую предварительную работу для пониманія folk-loge и на Украинѣ.

Пока я работалъ около folk-loge, нѣкоторыя лица и кружки въ Галиціи и Россіи приблизились къ политическимъ идеямъ, которыя я излагалъ нѣсколько лѣтъ назадъ, и стали предлагать мнѣ сотрудничество въ ихъ изданіяхъ. Такъ въ галицкомъ сборникѣ «*Ватра*» (1887) я напечаталъ замѣтку «*Изъ исторіи вириш*

на *Україну*» съ указаніемъ на вліяніе западныхъ протестантскихъ идей на релігійную поезію украинскаго народа. Въ 1888 г. въ галицкомъ сборникѣ «Товарищъ», изданномъ университетскою молодежью, я напечаталъ нѣсколько замѣтокъ о невѣжествѣ и сервилізмѣ въ галицкой прессѣ подъ общимъ заглавіемъ «*Сміх і горе*», а также критическую статью на одну этнографическую брошюру о великоруссахъ и бѣлоруссахъ, въ которой авторъ-українофилъ суммарнымъ образомъ представляетъ великоруссовъ народомъ дикимъ и нехристіанскимъ, сравнительно съ гуманно-христіанскою расою украинцевъ. Редакція «Товарища» назвала мою статью: «*Науковий методъ въ етнографіи*». Я нахожу это названіе нѣсколько претенціознымъ, хотя я и поставилъ въ статьѣ этой нѣкоторые общіе вопросы, наприм., о различіи между національными особенностями чертъ дѣйствительно расовыхъ, болѣе или менѣе постоянныхъ, отъ историческихъ, перемѣняющихся временемъ. Кромѣ научныхъ цѣлей, статья моя имѣла цѣль политическую: противодѣйствіе тенденціозно-пессимистическому представленію великоруссовъ и подновленію теоріи Духинскаго, которую офіціальные галицкіе українофилы стали съ нѣкотораго времени распространять въ своей популярной литературѣ, думая тѣмъ служить интересамъ украинской національности. Мнѣ было пріятно увидѣть, что и одинъ изъ українофильскихъ журналовъ въ Галиціи, «Заря», сдѣлалъ сочувственный отзывъ о моей статьѣ.

Лѣтомъ 1888 г., довольно неожиданно для себя, я получилъ отъ одного изъ українофиловъ, съ которымъ наиболѣе расходился въ понятіяхъ, предложеніе «стать во главѣ» возобновленнаго имъ изданія львовской «Правды» и прежде всего написать для нея программную статью. Я отвѣтилъ заявленіемъ о значительномъ нашемъ несогласіи и предложеніемъ написать свою программу съ тѣмъ, чтобъ редакція помѣстила свои возраженія на нее. Но онъ настаивалъ на своей просьбѣ, говоря, что онъ знаетъ, къ кому обращается, и если теперь просить меня о программѣ для «Правды», такъ значитъ отказывается отъ прежнихъ ошибокъ. Спустя нѣкоторое время и одинъ галицкій народовецъ, который долженъ былъ взять на себя ближайшее заведываніе «Правдой», обратился ко мнѣ съ подобной же просьбой. Я послалъ ему программу,—но съ просьбою собрать комитетъ и рассмотреть ее въ немъ и, въ случаѣ несогласія съ моими идеями, отложить печатаніе моей статьи или отмѣтить несогласія. На это я получилъ извѣстіе, что самъ редакторъ и его товарищъ вполне согласны съ моей статьей и уже напечатали ее, съ исключеніемъ двухъ только фразъ, подписавъ ее—Издательство «Правды». Но получивъ № 1 «Правды», я увидѣлъ послѣ моей программы вещи, діаметрально противоположныя ей. По моему настоянію редакція оговорила нѣкоторыя вопіющія противорѣчія, объяснивъ ихъ поспѣшностью, — но въ дальнѣйшихъ №№-хъ напечатала также, и при томъ даже въ статьяхъ редакціонныхъ, вещи, несо-

гласныя съ программой, — такъ что я отъ дальнѣйшаго участія въ этомъ изданіи отклонился... Но зато «Заря» одобрила мою программу, а популярная газета «Батьковщина», — которую львовскіе народовцы сочли возможнымъ передать подъ редакцію моему другу Павлику, напечатала изложеніе этой программы. Въ то же время и львовскій украинофильскій органъ «Дѣло» предложилъ мнѣ писать ему правильныя корреспонденціи о російско-украинскихъ дѣлахъ, но я отклонилъ это предложеніе между прочимъ и потому, что «Дѣло» никакъ не соглашается отказаться отъ клерикализма въ политикѣ.

Между тѣмъ кружокъ русскихъ эмигрантовъ, лица, принадлежавшія къ разнымъ фракціямъ «русскихъ соціальныхъ революціонеровъ», предположили издавать «либеральную газету» съ принципами, близкими къ тѣмъ, какіе я проводилъ въ своихъ публикаціяхъ, и пригласили къ сотрудничеству и меня. Я предложилъ для газеты имя «Свободная Россія», которое предлагалъ еще издателю «Вольнаго Слова», и далъ для перваго №-ра двѣ статьи: «*Земскій либерализмъ въ Россіи*» (1858—1883) и «*Самодержавіе, мѣстное самоуправленіе, и независимый судъ*». Газета должна появиться на-дняхъ.

Въ то же время кружокъ польскихъ демократовъ въ Галиціи обратился ко мнѣ съ предложеніемъ быть посредникомъ для выработки соглашенія съ украинцами. Я отвѣтилъ соображеніемъ, что въ Россіи соглашеніе поляковъ и украинцевъ не приведетъ ни къ чему безъ общероссійской либеральной программы... Но это дѣло еще не выяснилось, а потому пока должно быть тайной для публики.

Для библиографической полноты я долженъ упомянуть, что 25 янв. 1889 г. помѣщена въ римской «Revue internationale» моя статья «La question de la liberté religieuse en Russie», писанная по поводу полемики г. Побѣдоносцева съ «Alliance Evangelique», а также переговоровъ русскаго правительства съ Ватиканомъ. Въ статьѣ этой я доказываю, что мнѣнія г. Побѣдоносцева вовсе не раздѣляются образованнымъ обществомъ въ Россіи, не исключая и такихъ славянофиловъ, какъ И. Аксаковъ, — что въ Россіи всего болѣе терпятъ за религію не «иностранныя исповѣданія», а русскіе сектанты, — что обязательная полонизація католицизма въ Россіи введена была окончательно послѣ присоединенія западныхъ губерній къ Россійской имперіи, и что наибольшей терпимостью и свободой (употребленіе живыхъ языковъ въ религіозной жизни) эти края пользовались въ XVI в., когда составляли литовско-русское княжество и когда тамъ распространялись реформаціонныя идеи, — что религіозный миръ и нормальное употребленіе живыхъ народныхъ языковъ въ этихъ краяхъ могутъ установиться только съ установленіемъ въ Россіи общей религіозной свободы и автономіи.

1889.

Февраля 10.  
Женева.

М. Драгомановъ.